

Я (НЕ) БУДУ

твоей

И
ННА
ИНФИНИТИ

Инна Инфинити

Я (не) буду твоей

<https://litres.ru/74413603>

Аннотация

— Чего ты хочешь? — Тебя, — нагло заявляет. — Забудь. Я никогда не буду твоей. — Я докажу тебе обратное.

Он ворвался в мою жизнь на бешеной скорости и разбил ее вдребезги. Слишком наглый, слишком дерзкий. Он во всем для меня слишком. Еще вчера я была примерной дочкой и готовилась замуж за выбранного папой жениха. А сегодня встретила Виктора Смолова, и мой распланированный на годы вперед мир рухнул. Потому что наглый красавчик твердо решил, что я буду его.

История Вити из «Мужчины из моего прошлого». Самостоятельная книга, можно читать отдельно

Содержание

Глава 1. Наглый	4
Глава 2. Гонщики	10
Глава 3. Знаю таких, как ты	18
Глава 4. Смерть была не зря	27
Глава 5. Роднее всех на свете	35
Глава 6. Домашние порядки	40
Глава 7. Брак в расплату	46
Глава 8. Семейная история	52
Глава 9. Влипла	59
Глава 10. Девушка как в кино	63
Глава 11. Дружеская встреча	70
Глава 12. Чужая невеста	78
Глава 13. Мазохист	88
Глава 14. Один из самых счастливых дней	98
Глава 15. Помолвка	107
Глава 16. Жизнь необычного человека	117
Глава 17. К звездам	124
Глава 18. Лучшее в жизни	134
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Глава 1. Наглый

— Даш, на тебя тааак пялится один симпатичный парень. Он за барной стойкой сидит, — заговорщицки произносит Полина.

Первый рефлекс — резко повернуть голову в сторону бара, но я успеваю себя одернуть. Взгляд Полины направлен как раз туда, и если я обернусь, то «симпатичный парень» поймёт, что мы говорим о нем.

Вместо этого опускаю глаза в стакан с безалкогольным мохито. Кручу его в руке, делаю глоток через трубочку. Подруга открывает меню и начинает листать.

— Вот сейчас можешь посмотреть, — говорит, едва шевеля губами. — Он в серой футболке.

Делаю еще глоток и будто бы невзначай слегка поворачиваю голову в сторону барной стойки. За ней сидят только два парня, и мой взор тут же натывается на того из них, который в серой футболке.

Он...

Уж слишком дерзкий и наглый. Мне хватает одного взгляда, чтобы понять это. Весь его внешний вид кричит: «Для меня нет рамок и правил!». Руки забиты татуировками, в ухе серьга, короткий черный ёжик на голове одной длины с щетиной на лице.

И да, он откровенно пялится на меня.

Быстро перевожу взгляд на официанта, поднимая руку, подзывая, и сразу отворачиваюсь к своему мохито.

— Не в моем вкусе, — тихо произношу и делаю еще глоток из трубочки.

— А мне кажется, он классный!

— Вот и возьми его себе.

— Не, такой бы тебе подошёл. Кто-то должен раскрыть твой потенциал. У тебя всего четыре месяца осталось. А потом все, — наигранно вздыхает. — Мы потеряем тебя навсегда.

Скептически морщусь.

— Я замуж выхожу, а не в монастырь.

Подходит официант, мы делаем новый заказ. Когда парень удаляется, подруга продолжает:

— Ага, выходишь. За жениха, которого тебе выбрал папа! Даша, это же какой-то девятнадцатый век!

— Мне нравится мой жених, — парирую.

— Он тухлый и скучный! Ты просто обязана оторваться перед свадьбой. Второго шанса не будет. В конце концов, ты не обещала быть в загсе девственницей. И давай честно: ты думаешь, твой жених хранит тебе верность до свадьбы?

Полина наступила на большую мозоль. Марата, своего жениха, я вижу редко. Первый раз мы встретились, когда мне было четырнадцать лет. Он на два года старше, ему тогда было шестнадцать. Это был юбилей его отца. Папа Марата и мой уже очень давно ведут совместный бизнес. Они в равных

долях владеют несколькими заводами, сейчас строят новый.

Отец Марата на том юбилее в шутку сказал, что неплохо было бы нашим семьям породниться. Мой папа в шутку согласился.

После того банкета я больше не видела Марата. Слышала от общих знакомых, что он уехал учиться в закрытый пансион в Лондоне. А когда мне исполнилось восемнадцать, папа вызвал меня к себе и на полном серьезе провозгласил, что я выйду замуж за Марата Керимова, когда он завершит обучение в Лондоне и вернется домой.

Сначала я взбунтовалась. Что за бред? Почему папа выбирает мне мужа? А потом Марат написал мне в соцсети, спросил, в курсе ли я решения наших отцов. Я даже не хотела начинать диалог. Но полистала его немногочисленные фотографии и ответила. Мы немного пообщались, он показался мне приятным парнем. Да и на фото Марат был вполне симпатичным.

И я дала папе согласие (хотя оно ему и не требовалось). Во многом на мое решение повлиял тот факт, что почти все мои университетские подруги страдали из-за парней-козлов и постоянно жаловались, что нет нормальных мужиков. А я думала: как хорошо, что у меня уже есть хороший, умный, красивый жених! Не надо размениваться на непонятных парней, которым от девушки нужно только одно.

Мою радость омрачал только тот факт, что с Маратом мы общались очень редко. Да и то диалоги были ни о чем: при-

вет, как дела, что нового. Я думала, все изменится, когда Марат приедет на летние каникулы. Представляла, что у нас будут красивые свидания и романтика. Но в итоге Марат все лето работал на отцовских заводах.

Впрочем, свидания у нас все-таки были. Аж целых три. одно в июне, одно в июле и одно в августе.

Это были банальные ужины в ресторане, ничего сверхнеобычного. Как и в переписке, разговаривать было особо не о чем. Марат в основном рассказывал про наш бизнес и заводы. А на втором свидании он меня поцеловал.

Я очень ждала поцелуя. Почему-то думала, что он все изменит. Ну, там, сердце ёкнет, коленки подкосятся. На деле же, оказалось, ничего особенного. Ну поцелуй. Ну в губы. Подумаешь. А в сентябре Марат улетел в Лондон.

Наше общение по-прежнему редкое, не чаще раза в месяц, и в основном по переписке. Звоним друг другу только по праздникам. Когда Марат приезжает, мы ходим на свидания, но большую часть времени мне на них скучно. Последний раз мы общались полтора месяца назад. Марат позволил, чтобы выбрать дату официальной помолвки. Мне нужно защитить диплом бакалавра, а ему диплом магистра, поэтому наш выбор пал на конец июня.

— Почему ты думаешь, что Марат не хранит мне верность? — прохладно спрашиваю, в глубине души понимая, что Полина права. — Да, у нас отношения на расстоянии, но это же не значит, что он мне изменяет. Есть масса примеров,

когда люди встречались на расстоянии и хранили друг другу верность.

— Даш, ему двадцать четыре, и он живет в Лондоне на полную катушку.

— Марат учится. И вообще, он очень серьезный! Он бизнесмен! Ему не до этой ванильной чепухи. Марат занимается делом.

— Хватит его защищать. Ты же сама прекрасно все понимаешь.

— Знаешь, что? — вспыхиваю. — Мне нравится мой жених. Да, он не из тех, кого называют королями вечеринок. Но это даже хорошо. У меня нет желания вылавливать мужа по ночным клубам. Марат умный и серьезный, он будет вести наш семейный бизнес и зарабатывать деньги. Так что меня все устраивает.

Я ужасно зла на Полину. Да, она моя лучшая подруга, но это не даёт ей права называть моего жениха тухлым и скучным. И вообще, она будет моей подружкой невесты на свадьбе. Могла бы проявить чуточку уважения.

— Привет, девчонки, — раздается над головой. — Скучаете?

Сердце подпрыгивает к горлу. Над нами возвышаются двое парней. Те самые, что сидели за барной стойкой.

— Очень скучаем, — томно отвечает Полина. — А вы можете нас развеселить?

— Легко, — говорит наглый и дерзкий в серой футболке.

Пихаю подругу ногой под столом. Она делает вид, что не замечает этого. Два приятеля уже приставили к нашему столу стулья и садятся.

— Меня Стас зовут, — произносит блондин в чёрной майке. Друг наглого.

— Я Полина, а это моя лучшая подруга и однокурсница Даша.

Мне одновременно хочется провалиться сквозь землю и придушить Полину. Что она творит!? Ей ведь прекрасно известно, что я ни с кем не знакомлюсь!

— Меня Витя зовут, — представляется наглый, который пялился на меня.

На секунду мне кажется, что он говорит это только для меня. Непроизвольно смотрю на парня. Мой взгляд встречается с его темными глазами, и я замираю. Гляжу, почти не дыша, и вдруг кажется, что время остановилось.

Глава 2. Гонщики

Какое-то наваждение. Я не могу отвести от него глаз. В горле моментально пересыхает, каждый новый вдох даётся с трудом. Мозг медленно превращается в кисель.

— У тебя маленькое перышко, — едва слышно говорит и тянется ладонью к моей голове. Ныряет пальцами в волосы. Чувствую, как они скользят, отчего в крови происходит резкий выброс адреналина. Все это занимает секунду, может, две. Но я как будто в замедленном кино. — Вот, — показывает с доброй улыбкой, действительно достав из моих волос маленькое перо.

Тело обдаёт жаром. Этот парень обладает каким-то магнетизмом. Силой заставляю себя отвести от него глаза, облизываю пересохшие губы. Тянусь к стакану и в два глотка допиваю мохито.

Под столом кто-то наступает на мою ногу. Резко дергаюсь. Полина.

— Даш, а ребята серьезно автомобилями занимаются, — многозначительно глядит.

— А?

Голова как будто ватная. Кровь все еще по венам шарашит, мешая здраво соображать. Не понимаю, что со мной происходит.

— Витя и Стас — профессиональные гонщики, — пояс-

няет. — Классно, правда?

— И? — не понимаю, к чему клонит подруга.

— Ты же хотела научиться водить.

Ах, вот оно что. Полина уже нашла мне инструктора по вождению. Даже двух.

— Кхм, спасибо, я подумаю. Мне не к спеху. И вообще, я просто об этом говорила. Чисто гипотетически, что было бы не плохо научиться. Но это не срочно. И необязательно. Мне и на такси нормально.

Замолкаю. Пока тарахтела, весь воздух в легких закончился.

Наглый издаёт саркастичный смешок. Тихо, но я расслышала. Он вертит в пальцах перышко из моих волос (откуда оно там только взялось?) и продолжает сканировать меня глазами. От этого не по себе. Радуюсь, что у меня загар. Будь я белокожей, наглый бы уже заметил, что я стремительно краснею под его магнетическим взором.

— А я бы не отказалась от пары уроков, — Полина мечтательно вертит в пальцах стакан от коктейля.

— Могу преподать, — ослепляет ее улыбкой Стас.

— Я уверена, что ты прекрасный учитель.

Мне аж хочется поморщиться. Ну зачем Полина так открыто с ним флиртует? Я, конечно, понимаю, что ее последний парень оказался полным уродом, но где гарантия, что этот Стас лучше?

— Ребят, а на ваших гонках можно побывать? Там есть

зрители? — не унимается подруга.

— Конечно, — отвечает ей Стас. — Для вас, дамы, билеты будут в первый ряд.

Кажется, Полина наладила свою личную жизнь. Порадуюсь за нее. А вот мне пора бы уже отсюда сваливать. Стрелка часов перевалила за одиннадцать вечера, я давно должна быть дома. Отец в командировке, так что я позволила себе припоздниться. Но злоупотреблять не стоит.

— Почему ты так нервничаешь? — задаёт мне вопрос наглый в то время, как Стас и Полина уже вовсю обсуждают будущий урок вождения.

Я боюсь смотреть на этого парня, поэтому разглядываю салфетку на столе.

— Я? Я не нервничаю.

— Ерзаешь, как на иголках.

Да, я ерзаю, как на иголках, потому что попала в совершенно глупую ситуацию. Мало того, что до сих пор в баре, а не дома, так еще и с какими-то непонятными типами за одним столом. Они оба не внушают мне доверия. Особенно этот наглый. Сразу видно, что ему от девушек нужно только одно.

— Тебе кажется, — небрежно бросаю.

— Ты меня боишься, что ли? — хмыкает.

— Что? — возмущённо восклицаю и все-таки смотрю на наглеца.

Это было ошибкой.

Он такой сильный и мужественный, вдруг некстати всплывает в голове мысль. Брутальный. От него тестостероном несёт за версту. Профессиональный гонщик, сказала Полина? Да, такому парню совершенно точно подходит высокая скорость.

Воображение рисует, как наглый за рулем спортивного автомобиля выжимает до упора педаль газа. Наверное, это и есть настоящая свобода. В глубине души просыпается то самое щемящее чувство, когда чего-то очень хочется, но ты не можешь себе позволить. А кто-то другой может.

Этот парень может позволить себе свободу.

Мое воображение прерывает громкий рингтон мобильного, доносящийся из сумочки. Дергаюсь, как от удара током. Кто может мне так поздно звонить? Расстегиваю молнию, копошусь, ища орущий телефон. Наконец, достаю его из недр сумки и вижу на экране смартфона одно имя: «Марат».

О Господи!

— Извините, — подскакиваю на ноги, отодвигая стул с громким скрежетом. — У меня очень важный звонок.

Вылетаю из зала в коридор. Нужно срочно найти тихое место, чтобы поговорить с Маратом. С чего вдруг он мне звонит? Сегодня не праздник. Мог бы написать в мессенджере.

Мечусь по коридору заведения с разрывающимся телефоном в руке. Здесь есть где-нибудь тихое место? Натыкаюсь на дверь женского туалета и залетаю. Но тут слышно, как смывают унитаз в кабинках. Черт. Выбегаю обратно в коридор,

как раз в тот момент, когда телефон замолкает.

Ну вот, он сбросил. Жду, что позвонит снова. Минуту стою. Две. Не перезванивает. Горькое разочарование ползёт под кожей.

— Извините, в вашем заведении есть где-нибудь тихое место? — обреченно спрашиваю у охранника на входе.

— Тише только на улице.

— Спасибо.

Выхожу из бара в тёплую майскую ночь. Месяц подходит к концу, скоро июнь. Госы сданы, осталась только защита диплома — и я свободна. Сворачиваю за угол, где потише. Узкая улочка почти без машин, фонарей мало. Приваливаюсь к кирпичной стене и набираю Марату.

— Алло, — довольно быстро раздается его приятный бархатистый голос.

— Привет, ты звонил? Извини, не успела поднять.

— Да, хотел спросить, как дела с подготовкой к помолвке. Все хорошо?

— Эээм, да. Вроде бы да. У нас же нанято свадебное агентство для всего этого. Они справляются.

— Они зачем-то пишут мне в мессенджерах глупые вопросы вроде того, какого цвета должны быть скатерти. Можешь сказать им, чтобы не отвлекали меня по такой чепухе? Кто вообще дал им мой номер?

Марат говорит очень раздраженно. По правде говоря, его номер агентству дала я. Мне казалось, что мы вместе должны

все выбирать. В том числе скатерти.

— Извини, твой номер я им дала, — смущенно произношу. — Просто я подумала, что ты тоже хочешь поучаствовать...

— Даш, мне по фиг, какие будут скатерти, какая будет начинка у торта и кто будет ведущим.

Я в полнейшем ступоре. Но это же наша помолвка... В конце концов, Марат же тоже будет есть торт и весь вечер слушать шутки ведущего.

— Прости... — сама не понимаю, зачем уже который раз извиняюсь. Просто у Марата такой властный и строгий тон, что мне все время хочется просить прощения. — Не думала, что тебе это не интересно. Хорошо, я выберу все на свой вкус. Я хочу чёрные скатерти, — ляпаю первое, что приходит на ум.

Едва сдерживаю себя, чтобы не добавить: «Траурные».

— Хочешь чёрные — пожалуйста. Мне все равно. Скажи этому агентству, чтобы больше не отвлекало меня.

— Да, конечно. Скажу.

Пауза. Тот самый неловкий момент, когда уже хочется положить трубку, но вроде как нужно еще что-то спросить для приличия. Мы же жених и невеста, в конце концов. Наш разговор не может длиться 30 секунд один раз в полтора месяца.

— Как твои дела? — Марат первый задаёт вопрос.

— Спасибо, нормально. Как твои?

— Тоже нормально.

Вот оно это хорошо знакомое чувство, когда понимаешь — нам элементарно не о чем говорить. Интересно, Марат тоже его ощущает?

— Где ты сейчас? Я слышу машины.

Немного медлю с ответом. Не знаю, могу ли сказать ему правду. Вдруг он против того, чтобы я ходила в бар с подругой?

— Я была дома у однокурсницы. Она немного помогает мне по диплому. Мы засиделись. Я вышла от нее и жду такси.

Не рискую признаваться, что в столь поздний час я в баре. Может, Марат и нормально отреагирует, но не хочу проверять. И ни с каким дипломом Полина мне не помогает. Мой диплом уже давно написан и вычитан научным руководителем.

— Хорошо. Будь осторожна.

Ого. А это уже похоже на заботу. Даже приятно становится.

— Да, конечно.

— Пока.

В этот момент слышу на заднем фоне у Марата смех нескольких голосов. Не разобрала, женских или мужских. Но это точно несколько голосов и точно в одном помещении с моим женихом.

Открываю рот, чтобы тоже спросить, где он. Но в последнюю секунду передумываю. Ладно. Какая мне разница, где он? Даже если и в компании друзей. Что я могу на это отве-

тить? Запретить ему встречаться с друзьями? Я не буду этого делать. Глупо и смешно.

— Пока, — тихо говорю.

Отбиваю звонок и облегченно выдыхаю, задрав голову к небу. Уже стемнело, а нет ни звездочки.

И все равно было приятно, что Марат позвонил, а не написал. Улыбаюсь. Все у нас нормально будет. Привыкнем друг к другу. Просто Марат слишком серьезный. Конечно, ему все равно, какого цвета будут скатерти. Но не потому, что ему безразлична наша помолвка, а потому что он другим увлекается. Марат бизнесмен. Ему вот это все людское неинтересно. Но это же не значит, что Марат плохой?

Нам бы почаще видеться, почаще общаться. А то мы вроде жених с невестой, а как чужие. Хотя наше последнее свидание было не таким уж и плохим. Марат подарил мне цветы, много обнимал.

— И кто же этот собеседник, которому ты панически боишься честно сказать, где находишься? — издевательски насмешливо звучит сбоку.

Глава 3. Знаю таких, как ты

От неожиданности я аж подпрыгиваю на месте и вскрикиваю.

— Тише-тише, это всего лишь я, — наглый выставляет вперед ладони, давая понять, что не имеет злых намерений.

— Ты напугал меня! — восклицаю, схватившись за сердце.

— Извини, не хотел.

— Что ты вообще тут делаешь? — набрасываюсь. — Следишь за мной? Подслушиваешь?

— Я всего лишь вышел поговорить по телефону, — демонстрирует мобильник в руке. — Увидел тебя, подошёл.

— Не следовало.

Наглый ухмыляется и приваливается плечом к кирпичной стене. Мы стоим напротив друг друга, буквально в полуметре. Это слишком близко, и я отступаю на маленький шаг.

— Почему ты так боишься парней?

— Что? Я не боюсь!

— Да ладно? Как только мы с другом к вам подошли, ты сразу сжалась в комок и превратилась в ежика, хотя до этого была довольно расслабленной. Огрызаешься, психуешь. Такое ощущение, что боишься мужчин.

— Просто вы оба мне не понравились, — честно заявляю. Его темная бровь насмешливо ползёт вверх.

— И чем же?

— Всем. Знаю я таких, как вы. Решили снять телочек на одну ночь. Вот только ошиблись адресом. Даже Полина, несмотря на то, что ей понравился твой друг, в первую же ночь в койку к нему не прыгнет. Придется постараться, поухаживать. Но вы ведь не из тех, кто хочет тратить на это время, правда? Вам надо быстро и на один раз. Для этих целей вам больше подойдёт компания из четырёх девушек, что сидят за столиком у окна.

Выпалив тираду, делаю глубокий вдох. Наглый всю мою речь слушал с ехидной ухмылкой.

— Послушай, — предпринимаю еще одну попытку объяснить, но уже более спокойно. — Я знаю таких парней, как ты. Ты любишь свою свободную и ничем необремененную жизнь. Тебе не нужны обязательства. К девушкам относишься потребительски. Я угадала?

— Послушай, — копирует мою манеру. — Я знаю таких девушек, как ты. У тебя золотая медаль в школе и красный диплом в институте. Ты любишь порядок и дисциплину. Во всем слушаешь своих родителей. Так как ты всю жизнь была правильной отличницей, опыта нормальных отношений с парнями у тебя нет. Но при этом ты уверена, что все они — козлы. Я угадал?

Черт возьми, да, он угадал. В груди разгорается огонь возмущения. Откуда он знает? Неужели вся моя жизнь написана у меня на лбу?

Молчание затягивается, и наглый начинает тихо смеяться.

— Угадал, — констатирует за меня.

— А я не угадала? — язвлю.

— Не-а. Я не отношусь к девушкам потребительски и не боюсь обязательств.

Этот разговор мне порядком надоел. Я хочу вернуться в бар, взять свою сумочку и поехать домой.

— Чего ты хочешь? — нетерпеливо спрашиваю. Пора закругляться.

— Тебя, — нагло заявляет.

Кто бы сомневался, что он прямым текстом скажет что-то подобное.

— А еще говоришь, что не относишься к девушкам потребительски.

— Я же не сказал, что хочу тебя на одну ночь.

— А на сколько ночей?

— На много.

Фыркаю. Подкат просто восьмидесятого уровня.

— Забудь, — хлопаю парня по плечу и обхожу его. — Я никогда не буду твоей, — говорю громче и иду, не оборачиваясь.

— Я докажу тебе обратное, — прилетает мне в спину.

Хочется рассмеяться. Ну до чего самоуверенный наглец.

Когда возвращаюсь в зал бара на секунду даже сомневаюсь, подходить ли к столику. Полина так мило воркует со вторым парнем, что неудобно прерывать. Но я все же вкли-

ниваюсь.

— Ладно, мне пора, — громко говорю, отвлекая их внимание друг от друга на себя. Снимаю сумочку со спинки стула и накидываю на плечо.

— Уже!?! — Полина так округляет глаза, как будто не знает, что мне давно пора быть дома.

— Да, я устала, — одариваю парня (Стас, кажется?) прощальной улыбкой. — Приятно было познакомиться.

— Взаимно.

— Даш, а сходишь со мной в туалет носик припудрить? — Полина поднимается на ноги.

Еле сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. По дороге в дамскую комнату вызываю такси через приложение. Машина приедет через десять минут. Долго, но ладно.

— Блин, Даш, ну что ты так себя ведёшь!?! — сходу набрасывается на меня подруга, как только мы переступает порог женского туалета.

— Как?

— Вот так!

Я правда очень устала за этот день. В теле откуда-то скопились раздражение и злость.

— Полин, тебе же прекрасно известно, что я ни с кем не знакомлюсь.

— Ты не знакомишься, а я знакомлюсь!

— Ну вот и знакомься! А я поехала домой.

Подруга обреченно выдыхает и скрещивает руки на пыш-

ной груди. С внешностью у Полины полный порядок. Белокурые волосы, большие голубые глаза. Она нравится парням. Вот только из всех мужчин, которые проявляют к ней интерес, Полина упорно выбирает козлов.

— Зря ты так, Даш, — грустно говорит. — Классные ребята. Веселые, интересные и с чувством юмора полный порядок. Я даже не помню, когда последний раз таких видела. Очень контрастируют с нашими ботанами-однокурсниками, которые приходят на пары в костюмах и галстуках, как будто они уже чиновники, — на последних словах Полина брезгливо морщится.

— Поль, я замуж выхожу.

— Неужели тебе никогда не хотелось затусить вот с таким парнем, как Витя? Ну хоть один раз. Не обязательно же с ним сразу спать. Можно просто повеселиться, как друзья.

— Не думаю, что это будет честно по отношению к моему жениху.

Подруга качает головой.

— Ладно, — пожимает плечами. — Дело твоё.

— Я поеду домой. Деньги за свой заказ переведу тебе на карту.

— Не надо, парни уже закрыли наш счет.

— В смысле!? Они за нас заплатили!?

— Я же говорю, что они нормальные, Даш.

Обреченно взмахиваю руками.

— Ладно, все, я поехала.

Целую на прощание подругу и тороплюсь на выход из бара. Таксист будет уже через несколько минут. Стою. Жду, глядя на навигатор. Вот только не могу понять, как едет машина. Совершенно точно не по этой широкой улице, на которой находится главный вход в бар.

— Ох! — недовольно выдыхаю.

Он остановился и отметил, что ждет меня. Так, кажется, это в конце того переулка, в котором я разговаривала по телефону с Маратом. Сворачиваю за угол. Ага, да, надо пройти весь переулок, повернуть направо на другую улицу, а затем немного вперед. Там он меня и ждет.

Наглого в переулке уже нет. Ну и хорошо, не испытываю ни малейшего желания снова с ним встречаться. Хотя слова Полины «Неужели тебе никогда не хотелось затусить вот с таким парнем, как Витя?» засели в голове. Но что толку на этом заикливаться?

Когда дохожу до середины переулка, в спину прилетает свист. Затем слышу звуки чужих шагов.

— Эй, девушка, куда торопишься? Проводить?

Тело моментально пронизывает страхом. Инстинктивно оборачиваюсь. Их трое. Плохо вижу в темноте, но какие-то не очень приятные на вид мужчины. Ускоряю шаг, они ускоряют тоже.

— Куда же ты так бежишь? Мы же проводить тебя хотим, — говорит один, а двое других начинают ржать, как лошади. Сердце больно колотится о рёбра, от страха перед глаза-

ми плывет. Господи, что им от меня нужно? Побыстрее бы пройти эту подворотню. Я так тороплюсь, что даже не смотрю под ноги. В итоге на ровном месте о что-то спотыкаюсь и чуть не падаю.

Незнакомцы уже через пару секунд оказываются возле меня. Окружают.

— Девушка, ну зачем же ты от нас убегаешь? — скалится тот, что кричал мне в спину.

От них воняет алкоголем, глаза подозрительно блестят. Ледяной ужас ползёт под кожей, парализуя меня. Мечусь между ними, до конца не осознавая, что происходит.

— Ч-ч-что вам нужно? — выдавливаю, заикаясь. — П-п-пропустите.

— Мы проводить тебя хотели.

Двое его приятелей снова противно ржут, обдавая меня запахом перегара. Незнакомцы сужают вокруг меня кольцо, не оставляя шанса прорваться через него. В этот момент смартфон в моей руке издаёт звук. Водитель написал мне сообщение.

— Ооо, последний айфон.

И не успеваю я опомниться, как один из мерзавцев выхватывает у меня из рук телефон.

— Эй, отдайте! — восклицаю и бросаюсь на парня, чтобы выхватить телефон обратно.

Но в это же мгновение тот, что сзади, больно хватает меня за волосы и тянет на себя.

— Ишь, какая пряткая. Сумочку тоже давай.

И не дожидаясь, когда я дам ее сама, срывает с моего плеча.

Я ничего не понимаю. Это шутка? Мечусь глазами между ними, но с ужасом понимаю, что меня на полном серьезе только что ограбили в центре Москвы.

— И вот это еще, — мерзавец, что стоит ровно напротив меня, тянет грязные пальцы к моей шее и силой срывает золотую цепочку с кулоном.

— Ай, — слезы брызжут из глаз. Подвеска больно врезалась в кожу.

— Вроде все, — говорит второй, оглядывая меня с головы до ног.

Третий, что до сих пор держал меня за волосы, разжимает руку. Не устояв на ногах, я падаю вперед и врезаюсь в одного из мерзавцев.

— Не все, — противно хохочет и крепкой рукой хватается меня за талию, как раз в тот момент, когда я хочу отстраниться. — Прикройте меня, пацаны, я по-быстрому.

Гопник перемещает руку с моей талии на шею и больно сжимает.

— Не рыпайся, поняла? А будешь орать, зубы выбью.

Через секунду мерзавец впечатывает меня в стену здания. Острая боль пронзает голову, я морщусь. Одной ладонью он продолжает сжимать меня за шею, почти душит, а второй касается пуговицы на моих джинсах.

И в этот момент я понимаю, что он собрался делать.

Распахиваю глаза, дергаюсь, начинаю вырываться.

— Не рыпайся, я сказал, — снова припечатывает меня затылком к стене.

Силы совершенно точно не равны. Я худая и слабая, а он здоровый и сильный.

— Отпусти меня! — продолжаю вырываться. — Отпусти! — срываюсь на крик.

Мерзавец наваливается на меня всем телом и все-таки расстегивает пуговицу на джинсах. Паника усиливается, я борюсь, вырываюсь и кричу, за что он снова бьет меня головой о стену.

— Нет! Не смей! — дергаюсь, как жертва, попавшая в капкан. — Только попробуй!

— Попробую, — противный смех мне в лицо.

Чувство — будто стою над пропастью, в которую меня сейчас сбросят. Паника разрывает изнутри, ледяной ужас вьелся в клетки. Но я не перестаю бороться.

— Черт, кто-то сюда бежит!

Глава 4. Смерть была не зря

Виктор

— Гонка в следующую субботу, я уже со всеми договорился. Будут пять машин. Поедешь?

— Трасса какая? — спрашиваю приятеля.

— Та, что в прошлый раз.

Замечаю, как из бара выходит Даша. Стоит у входа, смотрит в телефон. Я через дорогу. Не отрывая взгляда от экрана мобильного, она сворачивает в ту же подворотню, в которой мы разговаривали. На плече висит сумочка. Неужели уходит?

— Витос, ты тут? Ну так что?

— Да-да, я поеду.

— Отлично, записываю тебя.

Даже не попрощавшись, отбиваю звонок. Красный сигнал светофора горит слишком долго, и я решаю перебежать дорогу, пока мало машин. Захожу в бар и окинув взглядом Стаса, воркующего с блондинкой, решаю не мешать. Выхожу на улицу.

Ушла, значит. Строптивая какая. Знает таких, как я, видите ли. Ни черта она не знает. Сидела с утра до ночи за учебниками и даже света белого не видела. Это у нее на лбу написано.

Красивая, фигуристая. А еще хорошая и не испорченная.

Давно таких чистых искренних девушек не встречал. Они, оказывается, еще существуют.

Где-то глубоко в сердце точит червячок сожаления, что не удалось нормально познакомиться. Даша навешала на меня ярлыков и даже не дала шанса. Обидно до ужаса. У меня ведь ни одного злого намерения на ее счет, хоть она и думает иначе.

Никогда себе не прощу, если не попытаюсь еще один раз. Резко сворачиваю за угол и срываюсь на бег. Хоть бы не далеко ушла.

— Отпусти меня! Отпусти! — вдруг слышу истеричный крик где-то впереди. — Нет! Не смей! Только попробуй!

Это Даша, вдруг понимаю. Ее голос. В панике ускоряюсь в два раза и ближе к концу темного переулочка замечаю очертания нескольких человек. В темноте плохо видно.

— Аааааа! Помогите!!!! — ее голос полон боли и отчаяния.

И теперь я наконец-то могу разглядеть, что происходит. Ее прижал к стене мужик, двое других стоят на стреме.

— Немедленно отпусти девушку! — кричу, подбегая к ним.

В жилах кровь стынет от осознания, что эти уроды собираются сделать. Совершенно лютый и неконтролируемый гнев разливается по венам, руки сами инстинктивно сжимаются в кулаки.

— Слышь, иди куда шёл, — говорит мне один из тех, что

стоит на стреме.

Не отвечая, со всей силы заезжаю ему ногой по морде. Адриналин кипит в крови, требует выброса.

— Твою мать! — ругается второй.

Бросается на меня, но я успеваю отпрянуть назад. Подгибаюсь и бью его кулаком под дых. Гопник сгибается, скуля, но удерживается на ногах. Тот, что удерживает Дашу, оборачивается.

— Слышь, проваливай отсюда, — обращается ко мне. — А то пожалеешь.

С земли поднимается самый первый, которого я уложил ударом ноги. Я еще раз бью кулаком в морду второго, потом замахииваюсь на первого, но он успевает засадить мне коленом в живот. Глухая боль пронзает внутренности. На несколько секунд теряю бдительность и получаю еще одним ударом кулака в лицо.

Это дезориентирует. Но где-то на задворках сознания понимаю, что не должен останавливаться. За мгновение собираю все силы и еще раз бью ногой гопника, потом второго. Оба валятся на землю.

Тот, что зажимал Дашу, отпустил ее и грозно надвигается на меня. Он самый крупный из них всех. Даша за его спиной спустилась без сил на землю и плачет в ладони. Почему не убегает? Почему сидит тут?

Но я вынужден отвлечься от Даши на последнего, третьего урода.

— Или ты убираешься отсюда прямо сейчас, — достаёт из кармана нож. — Или я пощекочу тебя этим перышком.

Делаю на него резкий выпад, но гопник успевает отпрянуть назад. Еще один выпад — он снова на шаг назад. Двое других, медленно пошатываясь, поднимаются на ноги.

— Надо валить, — говорит один из них.

Окинув взглядом меня и здоровяка, эти двое разворачиваются и на непослушных ногах торопятся убраться.

— Советую тебе последовать примеру друзей, — говорю третьему с ножом.

Он набрасывается на меня, но я дезориентирую его ударом колена под дых.

— Тварь, — скулит, сгибаясь.

Заезжаю кулаком по морде, он валится на землю. Но не успеваю я перевести дух, как отморозок быстро подскакивает, а в следующую секунду я чувствую острую боль где-то в районе рёбер. Не понимаю, что это, пока он не демонстрирует руку с окровавленным ножом в ладони.

— Чтoб ты сдох, — выплевывает мне в лицо, обдавая вонючим перегаром, разворачивается и бежит в ту же сторону, что и его друзья.

Инстинктивно кладу руку туда, где остро болит, и чувствую что-то мокрое и тёплое. Опускаю взгляд. По серой футболке разрастается большое багряное пятно. Ноги не держат, падаю на колени, продолжая держаться за рану.

— Витя! — Даша подскакивает с земли и бросается ко

мне. — О, Господи! Они тебя ранили! Надо срочно позвонить в скорую!

Она заплаканная, перепуганная, но, кажется, целая. Одежда вся на ней. Несмотря на то, что истекаю кровью, чувствую радость и облегчение. Я успел. Они не успели ничего с ней сделать.

— Витя!!! — взвизгивает, когда, совсем обессилив, валяюсь всем телом на асфальт. — Как вызвать скорую? Они украли мой телефон!

Мечется глазами по асфальту, паникует, трясётся.

— У меня в кармане, — хрипло выдавливаю.

Дрожащей ладонью Даша достаёт из кармана мой мобильник. Смартфон пару раз выпадает у нее из рук прежде, чем она разблокирует экран.

— Так, — говорит сама себе, стараясь собраться. — А как звонить? Ноль три?

— Сто три, — морщусь от боли.

Набирает три цифры, подносит телефон к уху, ждет. Потом быстро тараторит о ножевом ранении, называет адрес, плачет, просит приехать быстрее. А я гляжу на нее, изо всех сил стараясь не отключиться, и любуюсь. Красивая: шоколадные волосы, ореховые глаза, пухлые розовые губы. И такая искренняя, такая чистая.

Если мне не изменяет слух, за это время мимо нас прошли несколько человек, и никто не остановился. Подозрительно покосились только и ускорили шаг. Точно так же они

бы не остановились, если бы стали свидетелями изнасилования Даши.

«Убью за нее», проскальзывает мысль в голове.

— Они уже едут. Ты, пожалуйста, только не умирай, хорошо?

— Умереть, спасая самую красивую девушку в мире, — не худшая смерть, правда?

— Не смешно! — всхлипывает.

— А я не шучу.

Даша берет меня под голову и укладывает к себе на ноги. Гладит ладонями по лицу, успокаивает.

— У тебя так много крови, надо остановить.

Ее голос доносится до меня, словно сквозь вату. Веки опускаются, тьма подбирается. Собираю в кулак всю волю, чтобы остаться в сознании и любоваться Дашей дальше.

— Витя, ты держись, пожалуйста, прошу тебя. Скорая сейчас приедет. Почему кровь продолжает идти!? Как остановить!? — срывается на рыдания. — Надо чем-то зажать!

Быстрым движением Даша снимает с себя кофточку, складывает ее в несколько раз и прикладывает к моей ране. Продолжает всхлипывать и шумно дышать. Я же больше никуда не могу смотреть, кроме ее красивой груди в белом кружевном лифчике.

— Витя, ты тут? — слегка хлопает меня по щеке. — Витя, говори со мной, не молчи.

— Ты очень красивая, — едва шевелю губами. Каждое

слово даётся с трудом, язык и рот будто онемели.

— А ты очень наглый и дерзкий. Но я так тебе благодарна. Если бы не ты... Витя, прости меня, пожалуйста, что грубила в баре. На самом деле я не злая. Ты только не умирай, хорошо? Витя, я прошу тебя, — заходится новым приступом рыдания.

До тьмы остается один шаг. Глаза уже почти закрылись красивое лицо Даши расплывается.

— Витя, открой глаза!!! — кричит в панике.

Предпринимаю последнее усилие, чтобы разомкнуть веки.

— Не умирай, пожалуйста, Витя! Проси, что хочешь! Я все сделаю! Только прошу тебя, прошу... — слезы не дают ей договорить.

Я не могу отправиться в тьму, не воспользовавшись этим шансом. Она ведь сама сказала: проси, что хочешь.

— Сви... — запинаясь, губы не двигаются.

— Что??? Что ты сказал? Говори со мной! Говори!

— Свидание, — хриплю.

Произнести одно это слово тяжелее, чем разгрузить вагон. Но я все-таки это сделал.

— Свидание? Да, хорошо! Я пойду с тобой на свидание! Ты только не умирай, Витя, пожалуйста. Витя!!! Открой глаза!!!

Она согласилась. Уголки губ ползут вверх в довольной улыбке, а веки окончательно смыкаются.

«Моя смерть была не зря», — последнее, что успеваю подумать.

Глава 5. Роднее всех на свете

— Витя, очнись! — бью его по щекам. — Очнись!!!

Он не открывает глаза. Паника разрывает изнутри. Я держу в руках бездыханное тело парня и чувствую, как шевелются мои волосы на затылке.

Неужели он... Из-за меня...

Нет, я запрещаю себе думать об этом. Витя просто потерял сознание. Он очнётся.

Он обязательно очнётся!!!

— Витя, — тихо скулю. — Пожалуйста, открой глаза.

Ноль реакции. Страх обволакивает меня в кокон, поглощает полностью, разъедает. Склоняюсь к парню, утыкаюсь лицом в его грудь, обнимаю, прижимаю к себе.

Мне так больно терять его — наглого незнакомца, которому грубила в баре и о котором совсем ничего не знаю. Но вот сейчас, прижимая парня к себе, почему-то чувствую, что он мне роднее всех на свете. Разве такое возможно? Разве можно так сильно бояться потерять незнакомого человека?

Вой сирены становится ближе. Отрываюсь от Вити и оборачиваюсь на звук. Карета скорой помощи с мигалками заезжает в переулок и едет прямо на нас. Не успевает остановиться, как из нее выбегает бригада врачей.

— У вас ножевое ранение? — сходу налетает на меня мужчина.

— Да. Он потерял сознание. Или... — произнести вслух слово «умер» не получается.

Врачи грубо отталкивают меня от Виктора, перекладывают его на носилки.

— Можно с вами поехать? — слезно прошу.

— Да.

Подскакиваю на ноги, оглядываюсь и вдруг замечаю свою сумочку в паре метров. Грабители ее бросили. Или выпала. Не важно. Хватаю сумку и залезаю в скорую помощь вслед за носилками с Витей.

— Пульс очень слабый, много крови потерял, — констатирует один из врачей. — Быстрее в больницу! — кричит, видимо, водителю. — А то не довезем.

Врачи проделывают какие-то манипуляции с телом, разрезают футболку, осматривают рану. Подключают Витю к какому-то аппарату. А я забила в угол, сложила руки в замок и читаю единственную известную мне молитву. Только бы Витя жил. Только бы он жил.

Приезжаем в больницу, я бегу вслед за каталкой. Меня останавливают в коридоре, не дают пройти дальше. Я только вижу, что Витю завозят в операционную. Двое мужчин в белых халатах что-то мне говорят, но я их не слышу. Колочусь в истерике, рыдаю, прошу дать мне пройти. Обессилив, приваливаюсь к стене и сползаю на пол.

Мне приносят пластиковый стакан воды из кулера,вливают холодную жидкость в рот. Потом двое мужчин берут

меня под руки и куда-то ведут. Послушно перебираю ватными ногами, даже не запоминая пути. Передо мной открывают дверь, в нос бьет запах хлорки. Это женский туалет. Тут же рядом возникает медсестра, заводит меня внутрь и провожает до умывальников.

Смотрю в зеркало и не могу узнать девушку в отражении. Это я?

Все в крови: лицо, волосы, шея, грудь, живот, руки. На мне почему-то нет кофты. Некогда белоснежный бюстгальтер покрыт багряными пятнами.

Почему я без кофты? Где она?

— Умойтесь, — медсестра открывает мне кран.

Автоматически тянусь руками к воде. Едва тёплая. По белой раковине стекают светло-алые струи: смывается кровь. Она даже под ногтями. Уже засохла.

Набираю воду в ладони и умываюсь. Сознание немного прочищается, мысли становятся яснее. Выдавливаю дешевое жидкое мыло из дозатора на стене и растираю по лицу и шее. Смываю. Затем оттираю кровь с груди, живота, рук. Подставляю под воду окровавленные пряди волос. Закончив, насухо вытираю себя бумажными салфетками.

— Наденьте пока медицинский халат, — девушка протягивает мне его.

Вспоминаю, что сняла с себя кофту, чтобы зажать рану Вите. Наверное, она там и осталась валяться. Облачившись в халат, возвращаюсь в сопровождении медсестры в коридор

и без сил опускаюсь на скамейку.

— Мы сообщили полиции, скоро приедут и допросят вас,
— обращается ко мне незнакомый мужчина. Наверное, врач или медбрат.

— Как он? — спрашиваю едва слышно. Голос то ли сел, то ли охрип.

— Потерял много крови. Врачи борются за его жизнь.

Сомкнув веки, остаюсь ждать. Голова раскалывается, сил нет. Не выдерживаю и ложусь на скамейке, поджав ноги. Врачи, медсестры суетятся, бегают. Несколько раз подходят ко мне и предлагают помощь.

Наконец-то приезжают служители порядка. Рассказываю все, как было, ничего не утаиваю и даже даю примерное описание внешности отморозков. Где-то в глубине души зарождается страх, что отец обо всем узнает. Доложит полиция или кто-то еще.

Годы идут, а это чувство животного страха перед гневом отца не меняется. Я испытывала его в пять лет, в десять, в пятнадцать и продолжаю испытывать в двадцать два.

— Скажите, — обращаюсь к полицейскому. — Если я уже совершеннолетняя, вы ведь не должны сообщать о случившемся моим родителям?

— Нет, — он даже слегка смеется вопросу. — Мы ведь даже не спросили имена и контакты ваших родителей.

— Спасибо.

Полиция уходит, а я остаюсь сидеть, ждать хоть каких-то

вестей о состоянии Вити. Глаза смыкаются, сознание отключается. Держусь из последних сил. Снова и снова читаю молитву. Снова и снова боюсь потерять этого незнакомого парня.

Как такое вообще возможно? Я же его не знаю совсем. Это не простая благодарность за спасение меня от насильников и грабителей. Это нечто большее. Мое сердце болит и разрывается за Витю, как за самого родного в мире человека. Будто бы я его всю жизнь знаю, будто бы у меня с ним невидимая духовная связь.

— Здравствуйте, вы с пациентом, у которого ножевое ранение? — раздаётся над головой.

Подскакиваю на ноги.

— Да.

Передо мной стоит ужасно уставший врач с мокрым от пота лбом.

— Состояние стабильное, угрозы жизни нет. Он потерял много крови, мы сделали переливание.

На радостях бросаюсь обнять врача.

— Спасибо, — скулю в плечо опешившему от моего порыва мужчине. — Можно к нему зайти?

— Нельзя. Он ещё останется в реанимации. Когда переведём в обычную палату, сможете навестить в приемные часы. А сейчас, девушка, езжайте домой отдыхать. Иначе вам самой потребуется медицинская помощь.

Врач хлопает меня по спине и уходит.

Глава 6. Домашние порядки

Даже не помню, как добираюсь из больницы до дома. Переступив порог своей комнаты, валюсь на кровать и сразу засыпаю: не приняв душ и в медицинском халате. Меня будит настойчивый стук в дверь. Такое ощущение, что долбят по голове. С большим мучением разлепляю веки.

— Да?

Дверь открывается, заглядывает горничная.

— Дарья, простите, вас к телефону.

— Кто?

— Ваша подруга Полина.

Протягиваю руку. Девушка заходит в комнату и, пока идет до кровати, не без удивления разглядывает на мне медицинский халат. Когда горничная удаляется, подношу к уху домашний телефон-трубку.

— Алло.

— Привет! — Полина так верещит, что я морщусь от нового приступа головной боли. — Что с твоим телефоном? Тебе не дозвониться!

События минувшей ночи вспыхивают в памяти яркой вспышкой. Нападение, ограбление, попытка изнасилования, ранение Вити. На этом моменте резко подскакиваю с кровати.

— Даша, ты тут?

— Да-да, — тру ладонью лоб.

— Спишь, что ли? Уже пять часов!

— Вечера?

— Ну не утра же.

— Полин, у меня украли телефон. Когда я ушла из бара, со мной произошла большая неприятность.

— Что стряслось? — испуганно.

Кратко рассказываю подруге о произошедшем. Как на меня напали, как меня спас Витя, как его ранили, как провела всю ночь в больнице.

— Господи, Даша... — выдыхает. — А Стас вчера так за-нервничал, куда Витя делся. Ты-то попрощалась, когда уходи-ла. А он вышел поговорить по телефону и не вернулся в бар. Сейчас со Стасом переписывалась, Витя до сих пор не вышел на связь, он переживает.

— Витя в реанимации.

— Сейчас напишу Стасу. Но ты сама точно в порядке?

— Да, у меня только голова раскалывается. Еще мне на-до купить новый телефон и восстановить сим-карту. А что у тебя вчера было после моего ухода? Все в порядке?

— Да, — Полина произносит эти две буквы таким счаст-ливым и довольным голосом, что сразу понимаю: ее ночь удалась, куда больше, чем моя.

— Ты с этим Стасом замутила?

— Ну как замутила... Сначала мы мило общались в баре, пока он не спохватился, что пропал Витя. Потом он ему зво-

нил, нервничал. В общем, мы ушли из бара в два часа ночи. Стас отвёз меня домой.

— Приставал?

— Смотря в каком смысле, — загадочно. — Я не спала с ним, если ты об этом, — уже серьезно. — Но мы целовались. А сегодня он мне написал. Договорились сходить в кино, а потом он даст мне пару уроков вождения.

— Поздравляю.

— Ладно, Даш, я напишу сейчас Стасу, что Витя в больнице. А то Стас даже домой к нему ездил, проверить там ли он.

— Хорошо, Полин, пока.

— Пока.

Потерев виски, направляюсь в душ. Состояние становится чуть лучше, но головная боль все равно не проходит. На затылке огромная шишка. И тут я вспоминаю, что насильник дважды приложил меня головой к стене здания. Возможно, у меня небольшое сотрясение. Надо было все-таки согласиться на осмотр в больнице.

Сушу волосы, одеваюсь и выхожу из комнаты. В коридорах никого. Если уже пять вечера, то скоро прислуга пойдет домой. На различных горничных, поваров и садовников мне по фиг, а вот управляющая Эмма Фридриховна никогда доверия не внушала. Она работает в нашей семье, сколько я себя помню. И есть у меня подозрение, что обо всем докладывает отцу.

Пробираюсь на кухню. Радуюсь, что никого нет, достаю из верхнего ящика аптечку и ищу аспирин. Только я успеваю выпить таблетку и убрать аптечку на место, как на кухню входит Эмма Фридриховна.

— Даша, — звучит за спиной ее слегка удивленный голос.

Резко оборачиваюсь, будто меня поймали на месте преступления. Придирчивый взгляд пожилой немки тут же впирается в меня. Проходится по каждому миллиметру моей кожи. Такое ощущение, что что-то ищет.

— Добрый вечер, Эмма Фридриховна, — спокойно говорю.

Лет в восемнадцать я силой заставила себя говорить с этой женщиной на равных. Мне стоило больших усилий убедить себя в том, что я — хозяйка, а она — прислуга. И я не должна бояться ее, прятаться, что-то скрывать, как было все детство. Это она должна бояться меня.

— А где ты была целый день? Не видела тебя.

— Занималась личными делами. Вы хотели обсудить что-то важное по дому?

— Нет, я просто. Думала, что, может, тебя нет.

Неопределённо веду плечами.

— Может, и не было. Так вы хотели что-то обсудить?

— Нет-нет, все в порядке.

— Тогда до завтра, Эмма Фридриховна, — направляюсь на выход, но возле управляющей останавливаюсь. — У меня в ванной вода плохо уходит. Будьте добры, разберитесь.

— Конечно, Дарья. Скажу Василию, чтобы прочистил трубу.

— Странно, что я вообще должна об этом говорить. Управляющая натягивает на лицо фальшивую улыбку.

— Василий получит выговор.

Кивнув, ухожу, но до самого конца коридора затылком чувствую ее змеиный взгляд.

Я не знаю, зачем отец держит ее столько лет. Куча прислуги сменилась, а эта ведьма до сих пор на месте. Нет, вернее, я уже понимаю, почему она больше двадцати лет работает на моего отца: стучит ему. Эмма его глаза и уши в доме. Хорошо, что хотя бы не живет здесь. Вся прислуга приходит на работу в семь утра, а уходит в пять вечера.

Соблазн дожидаться, когда свалит Эмма Фридриховна, и только после этого уйти из дома самой, велик. Но я снова напоминаю себе, что я — хозяйка, она — прислуга. Я не должна бояться какой-то управляющей. Это она должна бояться меня.

Вызвав такси по домашнему телефону, еду в салон сотовой связи, где покупаю новый смартфон и восстанавливаю сим-карту. Большое счастье, что грабители выпустили из рук мою сумку. Ведь в ней и паспорт, и банковские карты, и другие важные документы.

Прошу Полину узнать для меня номер телефона Вити. Через пять минут подруга присылает мне контакт. Сажусь на лавочку под деревом и долго держу занесённый над экраном

палец, не решаясь позвонить. По венам бегает легкое волнение, сердечко чуть-чуть ускоряется. Зажмурившись, жму кнопку вызова.

— Аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

По телу разливается горькое разочарование. Наверное, Витя еще в реанимации. Или перевели в обычную палату, но он спит.

Поговорить с Виктором, просто услышать голос ощущается чем-то жизненно необходимым. Странное чувство. В голову лезут навязчивые мысли: вдруг Вите стало хуже, вдруг он вообще не поправится. Прогоняю их прочь.

Обязательно поправится.

Без особого желания направляюсь домой. Переступив порог особняка, тут же напрягаюсь. По позвоночнику ползёт холодок, волосы на руках поднимаются дыбом. У меня всегда особый рефлекс на этого человека.

— Привет, Даша, — папа выглядывает с балкона второго этажа.

Глава 7. Брак в расплату

Отец уставший, сонный, в мятом костюме и с расслабленным галстуком. Но взгляд напряжен. Как обычно.

— Привет, пап, — улыбаюсь, а у самой поджилки трясутся. Вдруг он все-таки каким-то образом узнал о том, что со мной случилось минувшей ночью? — Как дела? Как командировка?

— Все хорошо, спасибо. Твои дела как? Где была?

— Я нормально. Гуляла с подругой.

Лицо не выражает никаких эмоций. На самом деле отцу безразлично, что я делаю, где я и с кем я, если мое поведение не выходит за обозначенные им рамки и я остаюсь в зоне его контроля.

— Поужинаешь со мной?

Я не голодна, но отказывать отцу не могу.

— Да, конечно. Я накрою на стол.

Прислуги уже нет, поэтому я сама подогреваю еду и расставляю посуду. Думаю, сегодня мы с отцом можем поужинать на кухне, а не в специальном обеденном зале. Даже не помню, когда мы вместе ужинали в последний раз. На самом деле мы с папой редко видимся. Он много работает, уходит рано, приходит поздно. А наш особняк настолько огромный, что в его стенах можно и за неделю не пересечься.

— Как дела в университете?

Папа заходит на кухню, как раз когда я достаю из духовки курицу. Он сменил костюм на домашнюю одежду, смыл жирный блеск с лица. Садится во главе длинного прямоугольного стола. Я располагаюсь справа через несколько стульев от него.

— Написала диплом, научник его уже проверил. Скоро защита и выпускной. У меня будет красный диплом, пап, — последние слова произношу не без гордости.

Снова ноль эмоций на лице. Безразлично накладывает в тарелку салат, потом тянется за куриной ножкой.

А мне так хочется, чтобы отец меня похвалил! Хоть раз в жизни. В школе я из кожи вон лезла, чтобы висеть на доске почёта. Ждала, что однажды папа это отметит. Но так ни одного доброго слова и не услышала за 11 лет учебы. Отец воспринимал мои успехи в науках как должное.

— Как идет подготовка к помолвке? — задаёт новый интересующий его вопрос.

— Все хорошо. Я каждый день на связи со свадебным агентством.

— Все должно быть на высшем уровне, приглашено много высокопоставленных гостей.

— Я понимаю.

Отец разрезает мясо на кусочки, отправляет несколько из них в рот.

— Твой брак с Маратом очень важен, Даша.

— Я понимаю, — повторяю.

У меня больше нет настроения говорить с отцом, хочется побыстрее уйти. Я снова чувствую себя жалкой десятилетней, когда чем-то похвасталась перед папой в ожидании, что он похвалит, а в ответ увидела лишь безразличие. Теперь же я, как и в детстве, должна проглотить обиду и вести беседу, как ни в чем не бывало. Какое-то чертово дежавю.

— Это моя единственная возможность спасти бизнес, — вдруг изрекает, от чего приборы выпадают у меня из рук и с громким звоном валятся на фарфоровую тарелку.

— Что!?! — мне кажется, я плохо расслышала.

— Плохи мои дела, Даша, и уже давно.

От изумления мой рот приоткрывается сам собой. Не то что бы я очень в курсе того, что происходит в отцовском бизнесе, но, насколько мне известно, там все в порядке. Заводы пережили несколько экономических кризисов и девальвацию рубля.

— Подожди, я не понимаю...

— Пять лет назад, — перебивает меня. — Я решил открыть новое предприятие без Керимова-старшего. Мы с ним давние партнеры, но в какой-то момент я захотел от него отделиться. Денег не хватало, пришлось брать кредит. Но я взял его не в каком-нибудь банке, а в банке Керимова. Так как сумма очень крупная, надо было что-то закладывать. Я заложил свою долю в заводах и этот дом. Мое предприятие прогорело, я должен Керимову огромную сумму с процентами. Таких денег у меня нет. Вся моя доля в бизнесе и этот

дом должны были отойти банку Керимова еще пять лет назад. Была только одна возможность спасти ситуацию — чтобы ты вышла замуж за сына Керимова.

Я таращусь на отца, совершенно ничего не понимая. Его рассказ проникает в голову сквозь барабанные перепонки, но мозг отказывается понимать и принимать эту информацию.

Папа пробовал открыть какой-то новый бизнес, взял деньги, заложил долю в заводах... Чего???

— Но... — изрекаю и тут же замолкаю, не находясь, что сказать дальше.

Какой-то бред.

— Это все давно было. Керимов должен был забрать мою долю в заводах и этот дом еще пять лет назад. Он их не взял только потому, что мы должны породниться.

Я все еще в ступоре. В голове миллион вопросов, но ни один не могу сформулировать. Отец своим откровением меня сейчас будто ведром ледяной воды облил. Просто в мыслях не укладывается.

— Теперь ты понимаешь, насколько для нас важен твой брак с Керимовым-младшим?

— Но если Керимов-старший твой давний друг, то почему он просто не простит тебе долг? — наконец-то озвучиваю один из вопросов.

Отец громко хохочет, как будто я сказала что-то смешное.

— Керимовы никогда ничего не прощают. Особенно дол-

ги.

— И зачем это им? Женидьба Марата со мной, я имею в виду.

Папа неопределённо ведет плечами.

— Не знаю. Мне какое дело? Ты понравилась Марату, он захотел на тебе жениться.

— Что?? — снова не верю своим ушам. — Но это же было ваше решение! В смысле решение отцов. Вы просто поставили перед фактом меня и Марата.

— Нет, это было решение Керимовых. Марат захотел, чтобы ты стала его женой. Он предложил такой вариант выхода из ситуации. Керимов-старший согласился породниться. Ну а я тем более согласился.

Все чудесатее и чудесатее. Вдруг вспомнила, как Марат написал мне самый первый раз. Он спросил, в курсе ли я *решения наших отцов*. Именно так был сформулирован его вопрос.

Тяжело сглатываю. Аппетит пропал совершенно, к горлу подступает тошнота. Тороплюсь запить ее стаканом сока.

— Но Марат мне даже не писал никогда... — бормочу ошарашенно, поставив стакан на место. — И сейчас звонит раз в два месяца в лучшем случае...

— Ну как часто он тебе звонит, это уже ваше с ним дело, мне все равно.

Какой-то сюр, нелепица. Просто не укладывается в мыслях. Да этого невозможно! Может, папа шутит? Вниматель-

но приглядываюсь к нему. Нет, серьёзен.

Падаю на спинку стула и опускаюсь лицом в ладони. По звукам понимаю, что отец поднимается со стула.

— Я вырастил тебя, как родную дочь, Дарья, — в голосе папы появляется знакомый металл, от которого душа в пятки проваливается. Поднимаю на него взгляд. Передо мной снова жесткий и бескомпромиссный мужчина, при виде которого от страха трясутся коленки. — Надеюсь, ты умеешь быть благодарной.

— Д-да, конечно, — заикаюсь. — Я же выхожу замуж за Марата, я же готовлюсь к свадьбе.

— Ну вот и славно. Ты должна стать ему хорошей женой.

Глава 8. Семейная история

Отец обходит меня и удаляется из кухни, а я так и остаюсь сидеть.

Мужчина, которого я называю папой и боюсь, как огня, на самом деле мне чужой. Моя мать была... Скажем так, женщиной не очень высоких моральных принципов. Сегодня таких называют содержанками или охотницами за миллионами.

Я не знаю, от кого она меня родила. Когда мне было четыре года, родительница вышла замуж за Григория Вершинина, которого я зову отцом. Я помню первую встречу с ним, хотя была совсем маленькой. Мужчина разговаривал со мной любезно, но доброты от него я не чувствовала. Мне было не по себе в его присутствии. В какой-то момент я стала хныкать и просить маму увести меня в другое место, но родительница лишь грубо одергивала меня и продолжала улыбаться своему новому мужу.

Мать любила деньги отчима, а он относился к ней, как к вещи. Спустя некоторое время я стала замечать на мамином теле и лице небольшие синяки. Это было не часто. Я думала, может, мама ударилась о что-то. А однажды я увидела, как отчим поднял на нее руку.

Мне было шесть лет, и я впервые стала свидетелем акта насилия. Мое детское сердечко провалилось в пятки. Я за-

мерла, не могла пошевелиться. Смотрела на то, как отчим возвышался над мамой, а она согнулась, схватившись за щеку. Мать не плакала, отчим не кричал, так что знаю, из-за чего мог произойти тот конфликт.

Через несколько секунд я пришла в себя. Испугавшись, что меня заметят, быстро убежала в свою комнату. Вечером я боялась выходить из нее на ужин. Думала, взрослые будут ругаться. Но ничего подобного. Мама и отчим разговаривали, как ни в чем не бывало. Только на лице родительницы я заметила слой косметики толще обычного.

С того дня я стала бояться отчима еще больше, хотя продолжила называть его папой. Старалась реже попадаться ему на глаза, а в его присутствии быть максимально неприметной. Мне было страшно рядом с ним. Я все время ждала, что он меня ударит. Если отец делал резкие движения, инстинктивно сжималась в комок, думая, что сейчас последует удар.

Как-то раз я случайно разбила хрустальную вазу в гостиной и убежала, оставив осколки. Ваза была большой, стояла на видном месте. Ее отсутствие отчим заметил в первый же вечер.

— Даша, ты разбила вазу? — прохладно спросил папа и впился в меня изучающим взглядом.

От страха у меня заledenел язык. В голове пчелиным роем зажужжали мысли: «Почему он спрашивает об этом именно меня? Он что-то знает? Ему рассказали? Почему он думает, что ваза именно разбита? Может, ее унесла прислуга».

Мое молчание затягивалось, ужас нарастал.

— Даша? — вопросительно глянул.

Отец не повышал тон, не был эмоциональным или агрессивным. Но страх все равно полз под кожей и разливался по венам. Я была уверена: признаюсь — и он начнет меня бить, как маму.

— Не я, — тихо выдохнула.

Сердце сорвалось с тросов и рухнуло. Семилетняя я стояла будто на казни.

— А кто тогда? — уголки его губ приподнялись в снисходительной улыбке.

«Почему он спрашивает именно меня? Он думает, я знаю?».

— Не знаю.

— Подумай хорошо, Даша.

Я была готова разрыдаться и упасть в обморок. Но это бы не помогло. Я уже поняла, что слезы не трогают этого жесткого мужчину.

— Горничная, — едва слышно произнесла.

— Какая горничная?

В этот момент по коридору мимо дверного проема в гостиную проходила женщина. Я ткнула в нее пальцем.

— Она.

— Спасибо, Даша. Можешь идти.

Я бежала в свою комнату так, что сверкали пятки. Там закрылась на щеколду, спустилась по двери и заплакала, дрожа

всем телом.

Та горничная была уволена, про вазу больше никто не вспоминал. Я выдохнула с облегчением, но мысленно постоянно возвращалась к этому случаю. Повзрослев, меня стало грызть чувство вины перед ничем не повинной женщиной.

Оно изводило меня, не давало спать по ночам. Я представляла, что, лишившись по моей вине работы, женщина осталась без средств к существованию, голодала, ее дети умирали от каких-нибудь болезней.

Ну а потом я догадалась, почему отец допрашивал именно меня. В гостиной стоят камеры видеонаблюдения, предварительно он посмотрел записи и увидел, что вазу разбила я. Прессинг ребенка был лишь для того, чтобы проверить, скажу ли я правду. Не сказала. Не прошла его проверку на честность. Из-за моей детской трусливой лжи пострадала ни в чем не повинная горничная.

Маме, по всей видимости, нравилась такая жизнь. Она терпела домашнее насилие в обмен на деньги. До тех пор, пока не нашла более богатого мужчину.

Моя мать погибла вместе с любовником, когда бежала от отчима. Я находилась на заднем сиденье в детском кресле и оказалась единственной выжившей в той автокатастрофе. Мне было восемь лет.

Отчим рвал и метал. Нет, не из-за смерти супруги, а из-за ее предательства. Оставался открытым вопрос, что делать со мной. Формально отчим меня удочерил, когда женился на

матери. По факту всегда был ко мне холоден и безразличен. А я боялась его, как огня, не осмеливалась поднять взгляд в его присутствии.

После похорон матери я слышала, как прислуга шепталась о том, что хозяин «скорее всего сдаст девчонку в детдом». Ведь зачем я ему? Дочь жены-предательницы неизвестно от кого.

Но папа почему-то меня оставил. И точно не потому, что любил, как родную дочь. Может, из жалости, не знаю. Хотя отчим точно не тот человек, который сострадает людям. Нанял мне няnek, гувернанток. Они мною и занимались лет до шестнадцати, пока я не стала самостоятельной.

Со временем и возрастом я приспособилась к жизни с отцом. От меня требовались только две вещи: быть послушной и доставлять минимум проблем. И с тем, и с другим я справлялась прекрасно. Напрямую в мое воспитание отец не лез, но я знала: няньки и гувернантки держат перед ним подробный отчёт. Поэтому я старалась учиться лучше всех, участвовать во всех школьных активностях — чтобы папа был доволен и гордился мною. Но ему было наплевать.

Когда мне исполнилось шестнадцать, отец распустил нянь и гувернанток за ненадобностью: я стала самостоятельной. По привычке я продолжила вести себя так же, как и под наблюдением нанятых сотрудников: не вляпывалась ни в какие истории, не возвращалась домой поздно, не делала ничего, что могло разгневать отца.

К восемнадцати годам я осознала, что в общем-то в особняке всем на меня наплевать: куда ушла, во сколько пришла, где была... Никого это не интересовало. Отца в том числе. Так я стала позволять себе задерживаться с однокурсниками, уходить куда-то на весь выходной день. Не злоупотребляла, но и не отказывалась от студенческих активностей с друзьями. Несколько раз даже ходила в ночной клуб и возвращалась домой под утро. Правда, на всякий случай выбирала для этого дни, когда отец был в командировках.

Меня напрягала только Эмма Фридриховна. Я опасалась, что она будет докладывать отцу о моем отсутствии. Но она или не делала этого, или папе было наплевать. В любом случае он ни разу ни за что меня не отчитал.

Ну а выйти замуж за Марата Керимова — это для меня что-то само собой разумеющееся. Особенно после рассказа отца о том, что он должен Керимовым денег. Удивляет только то, что такой вариант выхода из ситуации предложил Марат. И когда я успела настолько ему понравиться, что он захотел видеть меня своей женой? Неужели на том юбилее Керимова-старшего, когда мне было четырнадцать, а Марату шестнадцать?

Я помню, что мы тогда сидели рядом за столом, Марат наливал мне сок в стакан, разговаривал. Когда началась развлекательная часть дня рождения, Марат пригласил меня на танец. Потом на второй, потом на третий. Но после юбилея мы не общались. Он не написал мне, не добавил в друзья,

пока спустя четыре года отец не объявил, что я должна выйти за Марата замуж.

Впрочем, ладно, что уж теперь. Когда Марата приедет, задам ему этот вопрос. В любом случае мне приятно, что наш брак для него желанен. Если у Марата действительно есть ко мне искренние чувства, то, я уверена, наша семейная жизнь сложится прекрасно. Со своей стороны я сделаю все для этого возможное.

Убираю со стола посуду и ухожу в свою комнату. Затылок все еще побаливает, шишка долго будет проходить. Сжимаю в руке телефон и раздумываю, написать ли Вите сообщение. При воспоминании об этом парне по телу разливается приятное тепло, а улыбка сама собой ползёт до ушей.

Хочу увидеть его, хочу навестить в больнице, хочу поговорить. Человек, защитивший на улице незнакомую девушку, не может быть плохим. Больше я не считаю Витю «подозрительным и непонятным типом». Я доверяю ему на все сто процентов, хоть ничего о нем не знаю.

Мои воспоминания о случайном незнакомце прерывает вибрация мобильного телефона. Бросаю взгляд на экран и в буквальном смысле подсакиваю от радости. Мне звонит Витя.

Глава 9. Влипла

В груди не на шутку разыгралось волнение. Как мне вести себя с Витей? Что говорить? В баре я грубила, больше грубить не хочу.

Самая лучшая тактика — быть собой.

— Алло, — поднимаю трубку.

Адреналин шарашит по крови, дыхание сбивается. Почему-то чувствую себя краснеющей школьницей. Давно я так не нервничала из-за звонков.

— Добрый день, у меня пропущенный вызов от вас. Это Виктор Смолов, — его голос слегка сонный и слабый.

В первую секунду меня удивляет столь формальное обращение, а потом я понимаю: у Вити нет моего номера. Это мне его контакт достала Полина через Стаса, а Вите мой телефон никто не давал.

— Привет, — стараюсь произнести уверенно. — Это Даша. Мы познакомились в баре...

Замолкаю, понимая, насколько это тупо — объяснять, кто я. Витя вряд ли мог так быстро забыть девушку, из-за которой ему всадили ножом в живот.

— Привет, — его голос теплеет. — Я очень рад тебя слышать, Даша. Как ты? Как твои дела?

— Кхм, со мной все в порядке. Я не пострадала. Лучше расскажи мне, как ты себя чувствуешь?

— Я в порядке. Меня перевели в обычную палату. Надеюсь, завтра-послезавтра выберусь отсюда.

— Так скоро? — громко изумляюсь. — Но ты же такое серьёзное ранение получил!

— Ерунда. Там ничего страшного.

— Как это ничего страшного? — продолжаю возмущаться. — Ты потерял много крови! Чуть не умер! Тебе делали переливание!

— Жизненно важные органы не задеты.

— И что? — злюсь. — Нельзя так быстро выписываться. Переливание крови — это очень серьезно...

— А откуда ты знаешь, что мне переливали кровь? — перебивает, задавая резонный вопрос.

Теряюсь. Разве Вите неизвестно, что я провела полночи в больнице, пока его оперировали?

— Врач сказал. Я же с тобой отправилась в больницу, когда скорая приехала. И я пробыла в больнице почти всю ночь, пока не вышел врач и не заявил, что угрозы для твоей жизни нет.

— Да? Я не знал. Спасибо. Мне очень приятно.

— Нет, это я должна тебя благодарить. Витя, ты спас меня. Без преувеличения спас.

— Да брось. Любой на моем месте поступил бы так же.

— Нет, — качаю головой. — Не любой. Мимо нас прошло несколько человек и проехало несколько машин. Никто не остановился. Витя, я так тебе благодарна! А еще чувствую

себя очень виноватой. Ты мог погибнуть из-за меня.

— Это была бы не худшая смерть, — изрекает со смешком.

Глупый. Разве можно так шутить?

— Я хочу тебя навестить. Можно?

На этих словах мой голос слегка дрожит. Волнение снова охватило меня. Вдруг Витя откажет? А мне так хочется его увидеть.

— Я был бы очень рад, — тихо отвечает, и от его интонации по телу проходит волна жара. Она распаляет кожу, заставляет сделать жадный глоток кислорода. — Мне нравится твой томный вздох. Можешь повторить для меня?

О Боже, должно быть на том конце провода это прозвучало, как стон! И он услышал! И невесть что подумал!

Пока в панике придумываю, что ответить, Витя начинает слегка смеяться.

— Это была шутка, — говорит расслабленно. А следом добавляет: — Или нет.

— Какой же ты все-таки наглец! — наконец-то обретаю дар речи.

Снова по-доброму смеется.

— Не переживай, Даша, ты привыкнешь к моей манере общения.

«Привыкнешь».

Он рассчитывает, что мы будем много общаться?

А я бы хотела? Не знаю.

Наверное, да. Как с другом. Мне почему-то кажется, что Витя — прекрасный друг. Он и рассмешит, и поможет, и выслушает. И даже спасёт.

— Надеюсь, что привыкну, — улыбаюсь в трубку.

— Подожди. Ты только что согласилась на, так скажем, долгое общение со мной? Я правильно понял?

— Согласилась.

— Тогда сегодня — лучший день в моей жизни.

Смеюсь.

— Я тебя навещу. Завтра можно?

— Можно. Даже нужно.

— Я рада, что ты позвонил, Вить. И... просто спасибо.

— Просто не за что.

Я отбиваю звонок и долго сижу с дурацким счастливым выражением лица. Снова и снова прокручиваю в голове наш разговор. Улыбаюсь, как дурочка. Мечтательно закусываю губу. Представляю нашу встречу. Представляю, как будем друзьями: куда-нибудь ходить, болтать, смеяться.

Но еще не догадываюсь, как серьезно я влипла.

Глава 10. Девушка как в кино

Виктор

Больница порушила мне все планы. У меня несколько гонок на носу, нужно готовить машину, а я под капельницами. Поскорее бы выбраться отсюда, дела не ждут. Но врач наотрез отказывается выписывать меня так быстро.

Из близких никому не сообщаю, что лежу в больнице. У меня слишком много друзей, начнут переживать и ходить сюда толпами. Не надо. Только Стаса, раз уж был в тот вечер со мной, прошу привезти мне из дома кое-какие вещи, но запрещаю рассказывать кому бы то ни было о случившемся.

Никаких посетителей не хочу, кроме одного. Вернее, кроме одной.

Даша приходит. Как и обещала по телефону, на следующий день. Темные волосы завиты в легкие волны, на лице едва заметный макияж, скромная одежда. Стесняется. Невооруженным взглядом видно.

— Привет, — подходит к моей кровати. Нервно улыбается, садится на стул. — Как твои дела? Как самочувствие? Это тебе.

Кладёт на тумбочку пакет.

— Здесь фрукты, — поясняет. — Я не знаю, какие ты любишь, поэтому взяла всех понемногу.

— Привет, — отвечаю, расплываясь в улыбке. — Я в по-

рядке. Ждал тебя.

Смущается. Заправляет за ухо волосы, прячет глаза.

— Ты не ответил, как твоё самочувствие.

— Да все в порядке. Жду выписку.

— Так быстро нельзя выписываться. Ты получил серьёзное ранение.

Такая строгая и правильная. Хотя чего я удивляюсь. У Даши на лбу написано: «Люблю порядок и дисциплину».

— Ты сама как?

— Я в полном порядке.

— Точно? — с подозрением оглядываю ее с головы до ног. На видных частях тела ни синяков, ни ссадин нет.

— Точно. Ты успел вовремя.

Ее голос звучит с благодарностью. Я же мыслями возвращаюсь в тот вечер. В груди снова вспыхивает неконтролируемый гнев, когда перед глазами встает картина почти что изнасилования.

— Витя, я очень тебе благодарна, — едва слышно бормочет. — Спасибо большое. И извини, пожалуйста, что грубила в баре при знакомстве.

Она похожа на маленького робкого котёнка, которого только что принесли в дом с холодной улицы. Также боится глаза поднять, шаг сделать. Хоть и сидит на стуле возле меня, а видно, что ей некомфортно и хочется забиться в угол.

Со мной происходит какая-то чертовщина, когда я смотрю на Дашу. Она мне нравится — это факт. Но мне много

какие девушки нравились, а не от одной так не штормило. На эту же гляжу и будто пьянею. Ее скромность, робость и застегнутая на все пуговицы блузка заводят похлеще самого откровенного порно.

Хотя я помню Дашу без кофты в белом кружевном лифчике. Я почти умирал, а эта картина воскресила меня. Даже истекая кровью, я не мог не любоваться ее грудью. Она не очень большая, но в ладонь поместится. Идеально.

Чем больше думаю о груди Даши, тем быстрее кровь приливает к паху. Черт. Сейчас не самый подходящий момент. Хорошо хоть я укрыт плотным одеялом. Стараюсь прогнать мысли о Даше в нижнем белье, но даже если об этом не думать, все равно завожусь от одного близкого присутствия девчонки.

Мы молчим. Она в неуверенности закусывает губу, смотрит куда-то в угол палаты. Чёрные длинные реснички, подведённые аккуратными стрелками, порхают, словно птички. Залипаю на эту картину. Ничего сексуальнее в жизни не видел.

— В общем, спасибо тебе, Витя, — неразборчиво мямлит.

— Ты обещала мне свидание, — громко заявляю.

Дергается. Лицо из смущенного становится перепуганным.

— Ээээ... — и замолкает, не зная, какую отговорку придумать.

Что? Решила соскочить!?

— Ну уж нет, ты меня не продинамишь! Ты пообещала мне свидание. Я хоть и был при смерти, но хорошо запомнил. Обреченно выдыхает.

— Хорошо, — соглашается, очевидно, от безвыходности. — Да, я обещала.

Неприятно колет тот факт, что Даша, судя по всему, пойдет на свидание со мной через силу. Я никогда не заставляю девушек что-то делать. Это в первую очередь унижительно для меня самого. Я хочу, чтобы девушка сама хотела ходить со мной на свидания, снимать передо мной одежду и проводить ночи в моей постели. Принуждать их к этому — удел моральных уродов.

Но мне нужно получить от Даши шанс. Всего один шанс! И все последующие свидания со мной она будет ждать с нетерпением. А когда Даша окажется в моей постели, сама не захочет из нее выбираться.

Прикоснуться к ней сейчас — кажется чем-то жизненно необходимым. Накрываю ее худую ладошку своей. Вздрагивает. Сжимаю руку, переплетаю наши пальцы. Даша не просит меня прекратить — и на том спасибо. Замерла, не шевелится. Только шумно дышит через слегка приоткрытые губы. Медленно отрывает взор от наших ладоней и поднимает на меня.

Тепло Даши будто проникает в меня. Я напиваюсь этой девушкой, а мне все мало и мало. Хочу еще. Хочу не только ладонь ее трогать. Всю ее хочу трогать. Хочу, чтобы Даша

нежилась в моих руках, извивалась и стонала.

Когда второй рукой Даша осторожно, с опаской, касается моих татуировок, едва ощутимо проводит по ним кончиками пальцев, кровь окончательно отливает от мозга к паху.

— У тебя такие интересные рисунки, — внимательно изучает, продолжая водить по ним ноготками. — Они что-то значат? Или просто так?

Мне не то что говорить тяжело, мне дышать тяжело. Легкие горят огнём, пах сейчас взорвется от напряжения. Нужно прекратить это безумие, которое я же и начал. Зачем я взял ее за руку? Зачем продолжаю держать, да еще позволяю Даше пальцами второй руки водить по моим татуировкам?

— Принеси, пожалуйста, воды, — произношу первое, что приходит на ум.

Даша подсказывает со стула.

— Да, конечно, а где вода?

— В коридоре кулер.

Она торопится выйти из палаты, а я наконец-то перевожу дыхание. На всякие случай делаю складки на одеяле в районе паха, чтобы Даше точно ничего не было заметно.

Эта девчонка что-то со мной сотворила в первую же встречу. Еще до того, как мы со Стасом подсели к ним за столик, я уже не мог оторвать от Даши глаз. Пялился на нее, как будто вышел из пещеры и впервые увидел женщину.

Даша заходит обратно с полным пластиковым стаканчиком воды. Осушаю его в два глотка. У меня реально в горле

пересохло от всего, что я нафантазировал про Дашу.

— Еще? — спрашивает.

— Нет, спасибо.

Опускается на стул, но явно не собирается задерживаться надолго.

— Витя, я уже пойду, хорошо?

— Ага.

Удивительно, но я и сам хочу, чтобы Даша ушла, потому что огненные волны, которые гуляют по моему телу в ее присутствии, пора потушить.

— Ты только не торопись выписываться, тебе нужно набраться сил, как следует.

«Люблю порядок и дисциплину», снова читаю надпись на ее красивом лбу. По всей видимости, Даша — отличница не только в учебе, но и по жизни.

— Больным меня отсюда не выпустят.

— Поправляйся, — просит жалобно и в этот раз сама накрывает своей ладонью мою.

Тело молниями пронизывает. Электрические разряды проходят от головы до ног и обратно. Мой организм в присутствии Даши работает на пределе своих возможностей и того гляди — даст сбой.

— Спасибо, — выдавливаю из себя.

Даша улыбается напоследок, вешает на плечо сумочку и уходит к двери. Взявшись за ручку, оборачивается и машет на прощанье.

Эта девушка красивая, как в романтическом кино. И сексуальная, тоже как в кино, но уже в другом.

Надо как-то пережить наше первое свидание и не лишиться рассудка.

Глава 11. Дружеская встреча

Неделю спустя

«Дорогой Виктор!

Имеем честь пригласить Вас на нашу помолвку. Мы будем счастливы, если Вы разделите этот радостный день с нами.

С любовью,

Марат и Дарья»

Убираю приглашение на помолвку для Вити в белый конверт. Сегодня у нас свидание, хотя мне больше нравится называть его дружеской встречей. Витя явно рассчитывает на что-то большее со мной, но я не могу ему это дать. Думаю, будет правильно при новой личной встрече обозначить, что я — чужая невеста. Просто чтобы у Виктора не было ложных ожиданий.

Вот только к дружеской встрече с Витей я готовлюсь так, как не готовилась ни к одному свиданию с Маратом. Несколько раз перебираю весь свой гардероб, но все вещи кажутся мне некрасивыми и неподходящими. Тогда отправляюсь в торговый центр. Обойдя магазины, снова ничего не нахожу.

Уже хочу выть от отчаяния, когда случайно замечаю на манекене одного из бутиков маленькое белое платье. Оно чуть выше колена, с длинными рукавами, а ниже талии слег-

ка раслешенное. В самом низу подола расшито чёрным кружевом. Скромное и со вкусом.

Договариваюсь с Витей, что он подъедет за мной днем к университету. Хотя занятия уже и закончились, а диплом вычитан, все равно нужно прийти в универ, чтобы обсудить с научником мою презентацию и десятиминутную речь на защите.

— Вау, какая ты сегодня красивая! — Полина восхищенно оглядывает меня, когда я захожу в столовую и направляюсь к ее столику.

Подруга свой диплом еще дописывает. У нее крайне вредный научник, который придирается чуть ли не к каждому предложению.

— Спасибо, — кокетливо поправляю волосы и делаю аккуратный маленький глоток кофе из стаканчика.

— Ты куда-то идёшь?

— Да, мы с Витей договорились, что он за мной заедет.

Голубые глаза Полины становятся, как пятирублевые монеты.

— Свидание? — заговорщицки спрашивает с придыханием.

— Дружеская встреча, — поправляю. — В знак благодарности за то, что он меня спас.

— Дружеская встреча, на которую ты оделась так, как не одевалась ни на одно свидание с Маратом.

— Откуда ты знаешь, как я одевалась на свидания с Ма-

ратом?

— Так я же тебя спрашивала, в чем ты ходила, когда ты мне рассказывала про встречи со своим женихом. Ты отвечала, что в джинсах.

Что правда, то правда. На свидания с Маратом я не парилась, как одеваться. Так почему же мне важно, в чем я буду на встрече с Витей? В голову лезет мысль «Хочу ему нравиться», но я ее отгоняю. Мне незачем нравиться Вите.

— У меня хорошее настроение. Сейчас лето, мы закончили учебу. Почему бы и не одеться красиво на прогулку с другом?

— А вы уже друзья?

Неопределённо веду плечами. Я и сама пока не знаю, как обозначить наше с Витей ежедневное общение. Мы переписываемся целыми днями! А по вечерам он мне звонит. И, кажется, за неделю я так привыкла просыпаться и видеть на экране смартфона «Доброе утро» от Вити, что уже не представляю дней без его приветствия.

О чем мы так много говорим? Я даже не знаю. Обо всем на свете. О кино, о музыке, о машинах, об учебе... У нас всегда есть тема для разговора. Я много смеюсь, потому что у Вити прекрасное чувство юмора. За всю жизнь, наверное, я столько не смеялась, как за неделю переписок с Витей.

А когда он мне звонит перед сном, сердце замирает. По телу гуляет легкое волнение, голос слегка подрагивает. Но потом Витя говорит что-нибудь смешное, и я расслабляюсь.

Мне нравится слушать его. Не важно, о чем Витя рассказывает, я прикрываю глаза и наслаждаюсь. Его голос обволакивает меня, становится тепло и уютно. Еще никогда и ни с кем мне не было так приятно просто разговаривать. Даже с Полиной, хотя она моя лучшая подруга.

— Да, мы подружились, — отвечаю на вопрос.

— Он знает, что ты выходишь замуж?

Больной вопрос.

— Еще нет. Скажу сегодня, когда будем гулять. Я приготовила ему приглашение на мою помолвку. На свадьбу тоже приглашу.

— Эх, бедный Витос, — вздыхает Полина. — Сегодня его сердце будет разбито.

Слова подруги коробят меня. Витя не скрывает своей симпатии ко мне как к девушке. Не как к подруге. Я, наверное, трусиха, что до сих пор не сказала ему о скорой свадьбе. Надо было еще в больнице это сделать. Но я не смогла. Язык не повернулся. Да и не хотелось тащить в наш разговор посторонних людей, даже если это мой жених.

Наша встреча в больнице была чем-то таким... Только между нами. А когда Витя сжал мою руку, я чуть не умерла от нахлынувших ощущений. Никаких слов не хватит, чтобы описать их.

— Не думаю, что за столь короткое знакомство Витя влюбился в меня насмерть. А что у тебя с этим Стасом? — перевожу тему.

От моего вопроса Полина тут же засияла, как новогодняя елка.

— У нас все хорошо. Мы, кажется, встречаемся.

— Кажется? Или встречаетесь?

Закатывает глаза.

— Ну, мы уже трижды ходили на свидания. Целуемся без остановки. На последнем свидании засунули друг другу руки в трусы. Между прочим, у Стаса там все, как надо, — произносит со знанием дела. — Осталось теперь проверить в действии. Думаю, на этих выходных.

— Избавь меня от таких подробностей.

— Ну уж нет! Ты моя лучшая подруга, так что обязана меня слушать.

Смеюсь. Давно я не видела Полину такой счастливой.

— Я рада за тебя, — честно говорю.

— С ним так классно, Даш! Он ни на одного нашего скучного однокурсника не похож. Я после Стаса даже смотреть ни на кого из них не могу. Ну вот как с таким может быть интересно? — указывает головой в сторону парня через два столика от нас.

Перевожу на него взгляд. Это Демид Самсонов из параллельной группы. В брюках, рубашке, галстук и пиджаке. Ест и параллельно что-то читает на распечатанных листках А4. Так увлёкся процессом, что не замечает как очки сползли на самый кончик носа и, того гляди, упадут в тарелку с макаронами и котлетой.

— Он оделся так, как будто уже работает в министерстве финансов! — возмущается Полина.

— По-моему, он там и работает. Я от кого-то слышала.

— И кем он там работает? — морщится. — Мелким писарем за копейки? Мальчиком «принеси кофе и выйди»?

— Нуууу... Надо же с чего-то начинать.

— Меня тошнит от них всех. Ботаники! Маменькины сыночки! До тридцати лет живут с родителями! Фу.

Полина всегда хотела самодостаточного парня, который живет без родителей и хорошо зарабатывает. Вот только все самодостаточные, как правило, уже женаты или состоят в серьезных отношениях. Последний ее молодой человек как раз таким и оказался. Все было прекрасно, пока Полина случайно не узнала, что он женат.

— А где гарантия, что твой Стас не женат?

— Я посмотрела его паспорт. Ни жены, ни детей нет.

— Он сам показал тебе паспорт? — уточняю с сомнением.

— Конечно, нет. Я увидела, что у него документы в бардачке. Когда Стас вышел из машины, чтобы заправиться, я достала паспорт и пролистала все страницы.

— Not bad, — копирую известный мем.

— Я уже ученая. Больше эти женатики не обведут меня вокруг пальца.

— Теперь еще обязательно надо побывать у Стаса дома. Вдруг он живет с родителями? И узнать пин-код от его карточки, чтобы проверить баланс. Вдруг он недостаточно зара-

батывает? — подкалываю Полину.

Подруга строит мне гримасу.

— Я уже все узнала.

Прыскаю от смеха.

— Всего за три свидания?

— Даша, я достаточно придурков повстречала, чтобы теперь быть начеку. Стас не живет с родителями. Он снимает квартиру. И на этих выходных я в ней побываю, — играет бровями, намекая на грядущий секс с парнем. — А что касается размера заработка, то он понятен по тому, какая у Стаса машина.

— А вдруг она в кредит? — наигранно сокрушаюсь.

— Даша, он — автогонщик. Ты знаешь, какие там деньги крутятся?

— Не-а.

— Спроси у своего Вити.

— Он не мой.

— Ну-ну.

В этот момент на телефон падает сообщение:

«Я у твоего универа»

Сердце срывается с тросов и с грохотом летит в пропасть. Медленно выдыхаю, чтобы успокоить разыгравшиеся нервы.

— И ты еще хочешь сказать, что он тебе не нравится? — ехидно замечает Полина, считывая мои чувства по лицу

— Отстань, — цежу и убираю телефон в маленький клатч.

— Хорошего первого свидания! — язвит.

— Отстань, — повторяю, поднимаясь с места.

— Ежедневку к трусикам приклеила? А то промочишь насквозь.

Пихаю ногой под столом смеющуюся Полину и со сбивающимся дыханием тороплюсь на выход из столовой.

Глава 12. Чужая невеста

У двери из здания университета я притормаживаю. Оглядываю себя. Платье, которое купила специально для встречи с Витей, вдруг начинает казаться слишком праздничным. Белое, со слегка расклешенной юбкой.

Ну зачем я оделась так, будто у нас... свидание? Еще и лодочки на шпильках. Выгляжу нелепо. Это ведь просто дружеская встреча.

Ох...

Но уже ничего не поделаешь. Набрав в грудь побольше воздуха, открываю дверь и бегу вниз по ступенькам. Чем ближе я к Вите, тем сильнее волнение. Он стоит, привалившись к крылу автомобиля. В джинсах, рубашке с закатанными рукавами и солнечных очках. Красивый и сильный.

За темными линзами не вижу, куда именно направлен его взгляд, но каждым миллиметром своей кожи ощущаю, что на меня.

— Привет, — произношу, приблизившись вплотную.

— Привет.

Витя кладёт ладонь мне на талию и придвигает к себе. В следующую секунду я оказываюсь прижата к его руди. Губы Виктора касаются моей щеки. От столь неожиданно близкого контакта меня словно парализует.

— Очень рад тебя видеть, — горячий шёпот обжигает ухо.

Затем Витя целует меня в висок. — Прекрасно выглядишь.

Сглатываю. О Боже, он же не подумает, что я оделась так специально для него!?

Я все еще в объятиях Вити, вплотную к нему. Ни пошевелиться не могу, ни вдохнуть. Чувствую тепло его тела, оно проникает в меня сквозь мужскую рубашку и платье. Это ощущение кружит голову.

Витя снова целует меня в щеку. Я должна отстраниться, прекратить это, но не двигаюсь, будто приросла к одной точке. Уже вторая его ладонь на моей талии. Идет вверх, перемещается на спину, тонет в распушенных волосах.

— Вить... — нахожу в себе силы произнести.

Он тут же убирает с меня руки.

— Прости.

Пользуясь моментом, делаю маленький шаг назад.

— Поехали? — спрашивает.

Киваю.

Витя раскрывает передо мной переднюю дверь, и только сейчас я нормально оглядываю его автомобиль. Это... необычная машина. Она белого цвета с двумя синими полосками на капоте. Двухдверная, передняя часть автомобиля очень вытянута.

Залезаю в светлый кожаный салон. Здесь приятно пахнет, много кнопок. Оглядываюсь. Сзади тесновато, два человека поместятся, но не более.

— Что у тебя за машина? — спрашиваю, когда Витя са-

дится за руль.

— Мустанг.

— Никогда не слышала.

— Это гоночный автомобиль марки «Форд».

— А. «Форд» я знаю.

Пристёгиваюсь. Мне становится не по себе в закрытом пространстве рядом с Витей. Снова одолевают нервы и смущение.

— Куда мы сейчас? — задаю вопрос, когда Витя трогается с места.

— Давай пообедаем, а потом, куда ты захочешь.

— Хорошо.

Платье на мне не сильно короткое, почти до колен. Но в сидячем положении подол слегка задрался. Взгляд Вити то и дело опускается на мои ноги. И это вызывает какие-то новые чувства. Нервы и смущение сменяются приятным волнением. Мне хочется, чтобы Витя и дальше смотрел на меня, восхищался. Новые ощущения концентрируются внизу живота и разливаются сладкой патокой.

Обстановка в салоне накаляется, казалось бы, без видимой на то причины. Мое дыхание становится чуть более шумным. Дыхание Вити тоже. Я хочу, чтобы он положил руку мне на колено, погладил по голой коже. Очень странное желание. Но Витя почему-то не делает этого, обеими ладонями держится за руль. Вцепился в него так, будто сейчас отберут.

Закусываю губу и закидываю ногу на ногу. Платье задирается еще выше, оголяя больший участок кожи. И да, Полина была права насчёт ежедневки. Хорошо, что перед выходом из универа я зашла в туалет и приклеила ее к трусикам. Иначе на подоле белого платья было бы не избежать мокрых пятен.

Витя вцепился в руль до побелевших костяшек. Замечаю, что на его шее проступила испарина. Умом понимаю, что пора прекратить, я творю какую-то дичь. Зачем-то провоцирую парня, который не скрывает своей симпатии ко мне. Хотя у меня в сумочке лежит для него приглашение на помолвку, а сама я решила с ним просто дружить.

— Может, включишь музыку?

Вытягиваю ноги вперед, опускаю задравшийся подол платья, а на колени кладу сумочку. Витя прослеживает за моими движениями. Молча включает не только радио, но и кондиционер посильнее. Глубоко вдыхаю и выдыхаю. Напоминаю себе, что я — чужая невеста.

Мы приезжаем в приятный ресторан не очень далеко от моего университета. Витя забронировал столик на двоих у панорамного окна.

— Здесь очень мило, — оглядываю интерьер в светлых тонах.

— Ты говорила, что любишь морепродукты. Этот ресторан специализируется на блюдах с ними.

В меню действительно почти все из рыбы и морепродук-

тов. Я беру норвежский суп с крабом и свежесжатый сок. Витя, по всей видимости, не любитель рыбы и морского, потому что заказывает единственный в меню стейк мяса.

— Как ты себя чувствуешь после выписки?

Меня по-прежнему беспокоит здоровье Вити. На мой взгляд, он слишком быстро выписался после такого серьезного ранения и переливания крови.

— Я же тебе говорил, все в порядке. Я здоров.

— Может, тебе все же нужно было подольше побыть в больнице?

Качает головой.

— Не могу, послезавтра у меня гонка.

Взгляд сам перемещается к белому Мустангу, припаркованному недалеко от панорамного окна.

— Ты на этой машине участвуешь в гонках?

— Да, она у меня одна.

— Гонки — это единственный вид деятельности, которым ты занимаешься?

Я знаю, что да. По крайней мере во время телефонных разговоров Витя не говорил ни о каких других делах, которыми бы он занимался.

— Да. Ну и еще учусь на заочном на юриста. Я говорил тебе.

У меня вырывается смешок.

— Зачем пошел на юридический, если, очевидно, у тебя нет интереса к этой специальности?

— У нас вроде как принято иметь высшее образование.

— И на каком ты курсе? Уже в магистратуре?

— Нет, я заканчиваю третий курс бакалавриата. Сейчас как раз сессия.

— Подожди, тебе же двадцать четыре года, — удивляюсь.

— Да, но я же не сразу после школы пошел учиться. Сначала в армии отслужил, потом увлёкся автомобилями. Три года назад решил все-таки получить высшее образование. Юриспруденция — это гуманитарная наука, так что не сложно.

Нам приносят заказ, мы продолжаем нейтральный разговор об учебе. Я рассказываю про свой факультет международных экономических отношений МГИМО, Витя спрашивает, о чем мой диплом. Но когда он задаёт вопрос про трудоустройство, мне особо нечего ответить.

Я всегда считала логичным работать на наших заводах. Тем более что у них широкая международная деятельность: мы поставляем товары в двадцать стран. Но я уже защищаю диплом, а отец молчит про трудоустройство. Может, мне самой надо поднять этот вопрос? Наверное. Вот только с кем говорить: с папой или уже с Маратом?

— Я планировала работать экономистом на предприятиях своего отца, — отвечаю обтекаемо.

— Чем они занимаются?

— Производством различной металлопродукции. Товары идут на экспорт, так что мое международное экономическое

образование и несколько языков пригодятся.

Витя с пониманием кивает и больше не развивает тему. А я вдруг начинаю париться, почему папа до сих пор ничего не говорил про работу. Сегодня же подниму этот вопрос.

После ресторана я предлагаю Вите поехать в парк Горького. На прогулке меня снова одолевает неловкость. Мы идём неспешным шагом слишком близко друг к другу. Мои пальцы иногда касаются его руки, отчего их слегка покалывает.

Витя много рассказывает про автогонки, я слушаю с интересом. Никогда не соприкасалась с данным видом деятельности, не была даже зрителем. А это, оказывается, целая индустрия. Витя как участвует в гонках в качестве гонщика, так и организывает их. Ещё он занимается ремонтом спортивных автомобилей.

Для меня Витя как будто с другой планеты. В хорошем смысле. Я никогда даже не разговаривала с такими парнями. Вокруг меня всегда были мужчины в костюмах и галстуках. А Витя в джинсах, с татуировками и серьгой в ухе. Работает не в офисе с 9 до 6, а автогонщиком!

От Вити пахнет свободой, а также отсутствием рамок и правил. Он живет в свое удовольствие и умеет наслаждаться жизнью. Ему никто не указ. Витя сам решает, что и когда ему делать.

Мне нравится это. Где-то в глубине души, может, даже завидую немного. У меня никогда не было свободы выбора.

— Осторожно! — Витя хватается меня за талию, когда мимо

пролетает сумасшедший велосипедист и чуть не сбивает. — Ты в порядке?

— Да, — шумно выдыхаю, чувствуя, как сердце к горлу подпрыгнуло. — Спасибо. Ты снова меня спас. Умереть из-за велосипедиста было бы слишком нелепо.

Витя продолжает держать меня за талию. Я смотрю под ноги, но чувствую его взгляд на своем лице. Мы стоим на набережной, мимо гуляют пары, дети, мчатся велосипедисты и скейтбордисты.

Захват на талии становится крепче. Я понимаю, что сейчас Витя меня поцелует, если я не остановлю это.

Страшно. Приглашение на свадьбу лежит в сумочке и прожигает бок. Надо вручить Виктору. Надо рассказать все, как есть.

Вторая рука Вити касается моего лица. Он слегка приподнимает его за подбородок, проводит нежно пальцами. Между нами сантиметров десять.

Внутри все обмирает. Ловлю себя на том, что хочу поцелуя с Витей. Хочу почувствовать его губы на своих, хочу обнять этого парня обеими руками, прижаться к его телу. Внизу живота снова концентрируется тепло, как было в машине. Это от близости с Витей. Она волнует меня, пробуждает во мне женское начало.

Он склоняется еще ниже.

— Вить, — успеваю увернуться и делаю шаг назад.

Смотрит с непониманием.

— Я должна сказать тебе кое-что важное.

Вопросительно выгибает бровь.

Понимаю, что больше нельзя откладывать. Я и так затянула дальше некуда, дала парню ложную надежду. Открываю сумочку и беру белый конверт.

— Это тебе.

— Что это? Ты написала мне письмо?

— Почти.

Издаёт смешок и открывает. Достает из него приглашение на красивой плотной бумаге. Уже через несколько секунд на лице Вити читается что-то вроде: «WTF????».

— Что это? — переводит взор на меня.

— Извини, что не сказала сразу. Я выхожу замуж через четыре месяца, а в конце июня у меня официальная помолвка. Прости... Я должна была сразу поставить тебя в известность, ведь ты с самого начала не скрывал симпатии ко мне. Я хочу пригласить тебя на помолвку, потому что ты мне очень нравишься как друг.

— Как друг? — переспрашивает слегка эмоционально.

— Да. Извини, если дала ложную надежду на что-то большее.

Говорю это и чувствую, как сама себе сердце разбиваю. А вдруг он не захочет общаться со мной дальше? Ведь имеет полное право обидеться за то, что так долго молчала.

Витя выглядит то ли растерянным, то ли шокированным. А может, и то, и другое.

— Я даже не знаю, что тебе ответить... — и замолкает. Крутит в руках приглашение, снова его читает, начинает смеяться. — Ты на полном серьезе приглашаешь меня на свою помолвку!?

— Да.

— Больше похоже на издевательство.

— Витя, я не могу предложить тебе ничего кроме дружбы. Прости. Но я правда очень хотела бы продолжить с тобой дружеское общение.

— В знак благодарности за спасение? — уточняет с сарказмом.

— В знак того, что мне с тобой очень весело и интересно. Надеюсь, тебе со мной тоже. Я была бы рада, если бы мы продолжили общаться дальше. Но как друзья.

Ужасная ситуация. Чувствую себя полнейшей идиоткой. И Витя смотрит на меня так, как будто я и есть идиотка.

— Кхм, — откашливается. — Эм... Хорошо, я тебя понял.

Это он меня так вежливо посылает? Наверное.

— Теперь ты понимаешь, почему я не хотела знакомиться в баре? У меня есть жених.

— Угу, понятно.

Гулять дальше не имеет смысла. Настроение испорчено у обоих. Не сговариваясь, мы разворачиваемся обратно и молча направляемся к машине.

Глава 13. Мазохист

Виктор

Сходу даже не могу вспомнить, когда у меня последний раз был такой облом. Бывало, что девушки отшивали меня сразу. Но чтобы флиртовали и соглашались на свидание, а потом заявляли о скором замужестве, — такое впервые.

Я, блядь, даже не знаю, как реагировать. Хочется что-нибудь расхерачить. И я бы, как минимум, со всей силы долбанул кулаком по рулю, если бы не сидящая на соседнем сиденье Даша. Она вжалась в кресло, опустила голову и закрыла лицо распущенными волосами. Как провинившийся ребенок.

Дружбу мне предложила.

ДРУЖБУ!!!

В гробу я видал эту дружбу. У меня член колом стоит от одного мимолетного взгляда на Дашу. Дружить и дрочить — не про меня.

— Останови здесь, — подаёт голос, когда до ее дома остается семь минут езды.

— Мы еще не приехали.

— Я знаю. Останови, я выйду здесь и дойду пешком.

Семь минут езды на машине — это минут двадцать пешком.

— Далеко идти, — отрезаю.

— Не далеко.

Блядь, что на нее нашло!?

— Даша, я не буду высаживать тебя на проселочной дороге после того, как ты едва не пережила изнасилование! — рявкаю.

— Если ты поедешь дальше, то тебя засекут камеры видеонаблюдения.

— И что?

— Я не хочу, чтобы мой отец знал, что меня довозит до дома посторонний парень.

От такого заявления я даже поворачиваю к ней голову.

— Как ты уже знаешь, скоро я выхожу замуж. Мой жених — сын папиного партнера по бизнесу. Отцу не понравится, если он узнает, что я общаюсь с еще какими-то парнями помимо своего жениха.

Этот бред сивой кобылы Даша произносит на полном серьезе.

— И что сделает твой папа? — спрашиваю с сарказмом. — Поставит тебя угол? Лишит карманных денег? Заберёт на выходные телефон?

— Не знаю, но не хочу проверять, — прохладно отвечает и отворачивается к окну. — Останови, пожалуйста, иначе я буду вынуждена выпрыгнуть из машины на ходу.

Даша явно не шутит. Хотя выпрыгнуть все равно не сможет, потому что двери автомобиля заблокированы. Съезжаю на обочину и жму на тормоз.

— Спасибо, что довез. Дальше я дойду пешком. Не переживай, здесь безопасно. Через триста метров начнутся камеры видеонаблюдения вплоть до самого дома.

Отстегивает ремень и поднимает на меня глаза. Замирает. Хочет что-то сказать, но не решается. Я тоже не знаю, какие слова произнести. Чувствую, как изнутри тоска разъедает. За какую-то несчастную неделю Даша так глубоко проросла в меня, что вырывать ее с корнем невероятно больно.

— Ты придёшь? — робко интересуется.

— На твою помолвку?

— Да...

— Ты издеваешься?

— Нет...

И ведь реально не издевается, а вполне серьезно приглашает. С ее сексуальных губ срывается полувздых-полустон. Погрустнела.

— Ладно... — мямлит. — Спасибо, что довез. Пока.

— Напиши мне сообщение, когда зайдёшь домой. Навигатор показывает, что идти пешком пятнадцать минут. Я засекаю время. Если ровно через пятнадцать минут не придёт сообщение, то я поеду за тобой.

— Хорошо.

— Пока.

Разблокирую двери, и Даша выходит. Провожая ее ровную осанку тоскливым взглядом, пока Дарья не скрывается за поворотом. Оставшись совсем один, позволяю себе дол-

бануть со всей силы по рулю.

Более нелепую ситуацию представить сложно. Я зол на себя, на Дашу, на ее дебильного жениха. Хоть никогда его и не видел, но желание набить ему морду такое сильное, что кулаки зудят.

Даже не через пятнадцать, а через двенадцать минут, от Даши приходит сообщение:

«Я дома. Все хорошо»

Отвечаю «Ок» и трогаюсь с места, чтобы убраться восвояси. От кипящей внутри злости мне едва ли удаётся ехать в допустимом скоростном режиме. Как только приезжаю к себе, сразу иду херачить грушу. Мне надо выпустить пар.

Вечером решаю пойти на тусовку к приятелю. Сначала я отказался, думал, что весь день проведу с Дашей, но после таких новостей мне точно нужно набухаться. Захожу в дом Демида и сразу вижу множество знакомых лиц. Вечеринка в самом разгаре. Алкоголь льётся рекой, музыка орет так, что закладывает уши.

Беру стакан виски и падаю на диван. Рядом тут же возникают знакомые. Что-то говорят, пытаюсь перекрычать музыку, но я даже не предпринимаю попыток расслышать. Пошли все к черту.

Пью виски и думаю о Даше. Нутро, сука, выворачивает. Это ж надо было так конкретно запасть на нее. Вроде и видел всего пару раз, а въелась под кожу. А когда мы сегодня ехали в ресторан, будь я проклят, если она не специально

соблазняла меня своими ногами. Я думал, член порвёт ширинку джинс. Еле держался, чтобы, наплевав на дорогу, не засунуть ей под платье руку.

Готов поспорить, на что угодно: она была мокрая.

А потом херак — и «Я выхожу замуж за другого».

Пиздец, приплыли.

Такое могло случиться только со мной.

Кто-то резко плюхается мне на колени, что заставляет меня распахнуть глаза. Рита. Давно не виделись.

— Привет! — кричит на ухо. — Ты чего такое загруженный?

Несколько раз мы трахались. Эта девушка хороша тем, что после секса не рассчитывает на что-то большее.

Рита обвивает меня за шею, что-то еще говорит на ухо. Из-за шума и выпитого алкоголя плохо слышу. Разговаривать — это последнее, что я сейчас хочу. Минут через пять Рита прекращает попытки вывести меня на диалог и просто тянется целоваться. Отвечаю, а пьяным мозгом продолжаю думать о Даше.

Злюсь на себя. Что я, в самом деле, как пятнадцатилетний сопляк? Ну понравилась девушка, ну продинамила меня, подумаешь! Вокруг полно других девушек, не менее красивых, чем Даша. Да хоть та же Рита. Чем она хуже Даши? Тем, что в МГИМО не училась? Абсолютно ничем не хуже.

— Пойдём ко мне, — кричу Рите на ухо.

Кивает.

Хватаю со столика бутылку виски, второй рукой обнимаю за талию Риту, и мы выходим из дома. До меня добираемся минут за десять. Я арендую четыре гаража в ряд: один из них — модный жилой лофт с современной мебелью и техникой, а три других настоящие гаражи, где я соержу свою машину и те, что мне прикатывают на ремонт перед гонками.

— Ты сегодня как будто не в духе, — Рита забирает из моих рук бутылку и ставит ее на стол. Обнимает меня за шею и льнет всем телом. — Точно все хорошо?

— Лучше некуда.

Сжимаю ее упругую задницу и засасываю поцелуем. Доходим до спальни и падаем на кровать. Рита переворачивает меня на спину и садится сверху. Торопится расстегнуть ремень, ширинку и стянуть с меня джинсы. То ли от свалившейся сегодня шокирующей информации, то ли от количества выпитого виски голова трещит так, будто там долбит дятел. Закрываю глаза и позволяю Рите делать все самой.

— Да что с тобой такое!?! — возмущённо восклицает через несколько минут.

Лениво приоткрываю один глаз.

— У тебя член не стоит!

Снова закрываю.

— Витос, ты когда успел импотентом стать? Может, тебе таблеточку?

В пьяный мозг снова просачивается Даша. Не хочу о ней думать, а сама лезет. Вспоминаю ее красивую грудь в белом

кружеве, выпирающие ключицы, стройные ноги, запах. Даша крышесносно пахнет.

— Вот теперь другое дело, — довольно произносит Рита, сжимая мой член.

На всю комнату раздается громкий рингтон моего мобильного. Распахиваю глаза, будто по башке кирпич прилетел.

— Достань его из кармана, плиз, — прошу Риту.

Она оставляет мой член и лезет в карман джинс.

— Даша бар, — читает имя звонящего абонента.

Подсказываю на кровати так, что Рита с меня слетает. Беру из ее рук мобильник и действительно вижу, что звонит Даша.

Зачем? Что ей надо? Снова извиниться? Сказать, как сильно хочет быть друзьями и видеть меня на своей помолвке?

Пока думаю, отвечать ли, звонок обрывается. Ну и хорошо. Не буду перезванивать.

— Кто это?

— Одна знакомая.

Рита снова тянется ко мне, обнимает, лезет целоваться.

На мобильник падает сообщение:

«Я не нахожу себе места, чувствую себя ужасно. Хочу что-нибудь сказать, а не знаю, что. Мне больно»

Что я должен на это ответить? Мне тоже больно.

«Пускай твой жених тебя утешит»

— Все в порядке? — раздается из-за спины голос Риты. Почему-то она меня уже раздражает.

— Рит, сорри, что-то я не в настроении.

Поднимаюсь с кровати и натягиваю боксеры с джинсами обратно.

— Я заметила! — ядовито отвечает.

Игнорирую ее реплику и направляюсь в душ. Там врубаю тропический душ с холодной водой, приваливаюсь к кафелю и просто стою, пытаюсь немного прочистить мысли. Сквозь шум воды слышу звук еще одного входящего сообщения. Даже не хочу его читать.

Когда выхожу из ванной, Риты уже нет. Прекрасно. Одной головной болью меньше. Новое сообщение Даши просто сметаю с экрана.

Она еще пишет мне потом, в последующие дни. Это только больше добивает меня. Я не хочу думать о Даше, а она мне пишет, и я о ней думаю. Говорит, что хочет быть друзьями, по сотому разу извиняется. Приглашает на свой выпускной. С этого я вообще в осадок выпадаю.

«Как ты объяснишь своему жениху мое присутствие на твоём выпускном?»

«Его не будет»

Как интересно. Не придёт на выпускной своей невесты? Даже Стас идет на этот выпускной. Он замутил с подругой Даши.

«Сорри, у меня гонка»

Гонки у меня в этот день нет, но притворяться Дашиным другом мне хочется меньше всего. Еще во френдзоне я не сидел.

Идут дни, в какой-то момент Даша перестаёт мне писать. Сначала радуюсь, а потом понимаю, что все равно продолжаю о ней думать. И ощущение такое — будто клин в грудь вбивают. От боли быть раненым зверем хочется.

Зачем-то звоню Стасу спросить, как прошёл выпускной девчонок. Он рассказывает, что после вручения дипломов все отправились в ночной клуб и тусили там до рассвета. Меня мигом охватывает тревога за Дашу. С ней все хорошо? Никто не приставал? Цела? Здорова? Стас ржёт надо мной и говорит, что Даша всю ночь просидела за столиком в ложе с траурным лицом, потягивая из трубочки безалкогольные коктейли. На танцпол не выходила.

Желание набить морду жениху Даше возрастает в геометрической прогрессии. Это что за жених такой, который даже на выпускной своей невесты не идет и не сопровождает ее в ночной клуб? А если бы с Дашей там что-нибудь случилось. Даже Стас пошел с Полиной, а он ее всего несколько недель знает.

Наступает день X — помолвка Даши. Я почему-то до сих пор не выбросил приглашение. Достаяю его из белого конверта и перечитываю:

«Дорогой Виктор!

Имеем честь пригласить Вас на нашу помолвку. Мы бу-

дем счастливы, если Вы разделите этот радостный день с нами.

С любовью,

Марат и Дарья»

Далее идут место и время торжества, а также дресс-код. Смокинг для мужчин и вечерние наряды для женщин. Даже желаемая цветовая палитра указана. Бросаю взгляд на время: помолвка начнётся через полчаса, ехать далеко.

Смокинга у меня отродясь не было, но где-то валяется костюм, в котором я ходил на школьный выпускной. С тех пор я его больше не надевал, даже не знаю, будет ли он мне как раз.

Зачем-то лезу на антресоль искать этот костюм. Зачем-то примеряю, когда нахожу. С огорчением констатирую, что сидит не плохо. Пиджак в плечах тесноват, но пойдет.

Блядь, я что, собрался на ее помолвку!? Смотреть, как недожених Марат лапает Дашу!?

Я гребанный мазохист. Меня наизнанку выворачивает от одного представления, что к Даше кто-то прикасается. А я собрался ехать и смотреть на это воочию.

И ведь не удержусь, дам ему в морду. За то, что не забирал ее тогда из бара. За то, что не сопровождал в ночной клуб на выпускном.

Жених, называется.

Хватаю ключи от машины и уверенно направляюсь к Мустангу.

Глава 14. Один из самых счастливых дней

Тяжелые изнуряющие дни тянутся мучительно долго. Я разрываюсь между подготовкой к помолвке, защитой диплома и Витей, который полностью занял мои мысли.

Все из рук валится, все раздражает, все бесит. Психую, срываюсь на свадебных подрядчиков. А потом просто опускаюсь лицом в ладони и реву.

Витя меня игнорирует. Первый не пишет и не звонит, а на мои сообщения отвечает прохладно и через раз. Да, я понимаю, что он рассчитывал на что-то большее, но почему он не может со мной хотя бы просто дружить!? Я нашла Виктора в соцсетях, у него пятьсот подруг в друзьях, все его лайкают, пишут комменты, а он им охотно отвечает.

Я что, не могу стать для него пятьсот первой подругой!? Почему с ними он дружит, а со мной не хочет!?

Рыдания душат, тоска разъедает. Ничего не хочу, никого не хочу. Пытаюсь сама себе ответить на вопрос, почему мне так важна дружба с парнем, которого видела всего три раза, и не нахожу ответа. Просто интуитивно понимаю: Витя мне нужен. Очень нужен.

Хотя логика и здравый смысл подкидывают вопросы вроде: «А как ты, Даша, объяснишь присутствие в твоей жизни

друга Виктора мужу Марату?». Не знаю, как. Не хочу сейчас об этом думать. Как-нибудь объясню.

Тем более что Марат разрешил мне иметь друзей. Правда, в работе отказал. В тот же вечер после неудачного свидания с Витей я спросила у папы насчёт трудоустройства на наши заводы. Он пожал плечами и сказал, чтобы я обсудила это с Маратом.

Я позвонила жениху. Сначала он долго не брал трубку, потом ответил сонным голосом, что было удивительно. Разница во времени с Лондоном — три часа. Если у нас было 17:00, то там 14:00. Марат спал в два часа дня. Сразу возник вопрос, а чем он занимался всю ночь. Но я, конечно, стала спрашивать.

— Привет, извини, что разбудила, — сказала первой.

— Все нормально, — зевнул. — Что-то срочное?

— Я хотела поговорить насчёт работы. Я же закончила учиться, мне пора куда-нибудь устраиваться. Я подумала, что будет логично, если я начну работать на наших предприятиях. Папа сказал, обсудить это с тобой.

На том конце провода повисло молчание.

— Я окончила факультет международных экономических отношений МГИМО, — напомнила на всякий случай, вдруг забыл.

— Я знаю, где ты училась. Но не думаю, что это хорошая идея.

— В смысле? — не поняла его последний комментарий.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что тебе не следует работать.

— На наших предприятиях? — все еще не понимала. — Или вообще?

— Вообще.

Теперь уже я замолчала в ступоре.

— Подожди, не понимаю ничего... — пробормотала растерянно.

— Я не хочу, чтобы ты работала, — в его тоне послышались стальные категоричные нотки, которых я раньше не замечала. — Так понятно?

— Но почему?

— Потому что в мои представления о семье не укладывается где-то пропадающая целыми днями жена.

— Почему «где-то пропадающая»? — все еще не понимала. — Работа — это не «где-то».

— Даша, давай ты не будешь со мной спорить? — снова послышалась сталь в голосе.

Я аж начала задыхаться.

— И чем мне заниматься целыми днями, когда ты сам будешь на работе?

— Следить за порядком в нашем доме и воспитывать наших детей.

Я потеряла дар речи. Нет, делать уборку и готовить для меня не проблема, хоть я и выросла в окружении многочисленной прислуги. Но это же не значит, что я с утра до вечера

должна сидеть дома и намыывать полы.

— И еще для меня важно, чтобы ты всегда хорошо выглядела, — продолжил. — Я не хочу, чтобы однажды ты превратилась в клушу в халате. Так что вместо работы ходи лучше в салоны красоты.

— Странно, что мы не обсудили модель нашей будущей семьи ранее. Ты не мог все это озвучить несколько лет назад?

— А что-то бы изменилось? Ты бы отказалась за меня выходить?

Эти вопросы пробирают меня на смех. Истеричный смех. Они звучат с очевидной издевкой. С большим и жирным намеком на безвыходное положение моей семьи.

— Нет, не отказалась бы, — ответила, отсмеявшись. — А друзей мне можно иметь? Куда-нибудь ходить? Видеться с подругами?

— Не в ущерб семье можно.

— Спасибо.

— Даша, ты своей злостью портишь нервы только себе, — обратил внимание на сарказм в моем голосе. — Мы сможем хорошо и счастливо жить, если не будет никаких протестов и истерик с твоей стороны. Я не тиран и не диктатор, но в моей семье всегда будет патриархальный уклад, нравится тебе это или нет. Занимайся детьми и домом, встречай меня с работы, не лезь с лишними вопросами — и все у нас будет в порядке.

Эту длинную речь Марат мог бы сократить до одной фразы: «Знай свое место».

— Почему ты захотел на мне жениться? — задала последний вопрос. — Почему именно я?

На несколько секунд воцарилась тишина.

— Нет какой-то одной причины.

— Ну озвучь несколько.

— Если коротко, то я думаю, что ты мне подходишь.

— А если не коротко?

— Минуту назад я сказал, что не следует лезть с лишними вопросами, — снисходительно напомнил.

— Мне просто очень интересно. Женское любопытство, ничего более.

— Ты мне понравилась, когда я тебя первый раз увидел. Наши семьи много лет близки. Твой отец курирует важнейший блок на наших предприятиях. Я посчитал, что мы идеально подходим друг другу для заключения брака. По-твоему, нет?

— Не знаю... Я не думала об этом.

— Не забивай свою красивую головку ненужными вопросами. Лучше расскажи, как дела с помолвкой. Все по плану?

— Да... Но я выбираю все на свой вкус, раз тебе некогда этим заниматься.

— Я доверяю твоему вкусу.

— Спасибо.

— Пока, Даша, — зевнул на том конце провода. — Скоро увидимся.

— Угу. До встречи.

— Целую тебя.

Я отбила звонок и еще несколько минут простояла, как ведром ледяной воды облитая.

Я не то что бы какая-то очень амбициозная карьеристка, но и в роли домохозяйки тоже никогда себя не видела. Мне всегда казалось, что у женщины должно быть какое-то занятие. Пускай оно не будет приносить миллионы и кормить всю семью, но нужно же как-то профессионально развиваться.

Неприятный осадок после разговора с Маратом сохраняется долго. Я удивлена таким взглядом на жизнь и на семью. Хоть Марат и из восточной семьи, но все же родился и вырос в Москве, много лет живет в Лондоне. Разве его представления не должны были измениться под влиянием внешней среды?

Возможно, в этом плане на Марата повлияла его собственная семья. Насколько я знаю, моя будущая свекровь не работала ни дня в своей жизни. Родила троих детей, старший из которых Марат, и всегда занималась семьей. У Керимовых нет повара, готовит мать Марата. И на огромный особняк у них только одна горничная. Моя будущая свекровь делает уборку преимущественно сама.

Перед помолвкой мне удаётся убедить себя, что все не так уж и плохо. Миллионы женщин, работающие с утра до ночи, мечтали бы оказаться на моем месте. Ну а что? Марат будет полностью обеспечивать семью, а я заниматься детьми и домом. Он же не запирает меня в четырёх стенах без права

выхода на улицу. Я смогу встречаться с подругами, ходить на шопинг, ездить еще по каким-то делам. В конце концов, можно найти хобби. Так и будут пролетать дни.

Самое главное — Марат не возражает, чтобы у меня были друзья. Это значит, что я могла бы хоть в какой-то форме сохранить общение с Витей. Если бы он сам этого хотел...

Но Витя, очевидно, не хочет. Я перестаю ему писать. В груди разрастается чёрная дыра от того, что он вот так легко вычеркнул меня из своей жизни. Я не сказать, что занимала там большое место, но все-таки я — девушка, спасая которую он чуть не погиб.

Это ведь не может совсем ничего для него не значить???

Наступает день помолвки. Я обещаю сама себе, что больше не буду расстраиваться из-за ледяного игнора Виктора. Не хочет общаться — ну и не надо. Подумаешь. У меня достаточно друзей и без него. А вообще, лучший друг — это муж. Так говорит мама Полины. Родители подруги живут в браке тридцать лет, создали чудесную семью. Я верю маме своей лучшей подруги.

Поэтому в арендованный для помолвки на несколько сотен гостей замок в Подмоскowie я приезжаю в хорошем настроении. Подрядчики здесь со вчерашнего дня. Зал уже украшен живыми цветами, в саду готовы несколько фотозон, акустика настроена, торт ждет своего часа в отдельной комнате. Его выкатят вечером на тележке в сопровождении бенгальских огней.

Осматриваю спальню, в которой мы с Маратом проведем ночь после помолвки. Сегодня я наконец-то лишусь девственности. У нас пару раз доходило до секса, но в итоге что-то мешало: то по дороге к Марату домой я почувствовала, что у меня пошли месячные, то Марату кто-то звонил по делам, и ему надо было уезжать. Но сегодня точно все случится. Я даже день помолвки выбрала за две недели до следующей менструации. Чтобы мой организм совершенно точно ничего мне не обломал.

Спальня в стиле барокко. Шикарная. Мебель девятнадцатого века, огромная хрустальная люстра, на кровати с балдахином лепестками роз выложено сердце. Все, как я заказывала.

Мое помолвочное платье висит здесь же на манекене. Оно из струящейся белой ткани с вырезом по правой ноге. На соседнем манекене черный смокинг Марата. Он прилетает из Лондона за несколько часов до помолвки и из аэропорта едет сразу сюда.

Скоро во дворец прибудет Полина помогать мне собираться. Ее Стаса я тоже пригласила. Они теперь встречаются, он даже приходил на наш выпускной в универе. Опускаюсь на мягкий диван и вытягиваю ноги.

Сегодня — один из самых счастливых дней в моей жизни. Да, непременно именно так.

Телефон взрывается громким рингтоном. Достая его из сумочки и вижу на экране «Марат». Улыбаюсь. Наверное,

звонит сказать, что уже садится в самолёт.

— Алло, — беру трубку.

— Привет.

По одному этому слову я понимаю, что что-то не так...

— Даш, прости, у меня не получается вылететь.

— Что??? — подскакиваю на диване, не веря своим ушам.

— Я не успел завершить важные дела.

— Какие еще дела!? Сегодня же наша помолвка! — верещу.

— Очень важные дела. Мой отец в курсе, твой уже тоже. Это же всего лишь помолвка, не свадьба. Так, формальность. Я думаю, эту вечеринку можно провести и без меня. Гости все равно через полчаса напьются и забудут, по какому поводу собрались. Не расстраивайся. Мы с тобой уже пять лет, как помолвлены. А это мероприятие зачем-то твой отец захотел организовать.

У меня просто нет слов. Я сижу ни жива ни мертва.

— Ладно, Даш, мне пора. Я до последнего надеялся, что решу все вопросы до помолвки, но не успел. Нам следовало выбрать дату позднее, но ты почему-то захотела эту. В любом случае помолвка — это не свадьба. Повеселись с гостями, а я потом фотографии и видео посмотрю. Давай, целую тебя.

Смартфон выпадает из рук и с грохотом валится на паркет девятнадцатого века.

Глава 15. Помолвка

Я убита.

Растоптана, уничтожена.

Меня словно с грязью смешали и безразлично перешагнули.

— Ужас! Я еле тебя нашла в этом дворце! — в комнату врывается Полина. — Тут заблудиться можно!

Не реагирую на появление подруги. Полина приближается и с подозрением меня осматривает.

— Ты в порядке?

Перевожу на нее стеклянный взгляд.

— Даша, что-то случилось? — спрашивает с тревогой. — Ты на себя не похожа.

— Марат не приедет на помолвку.

Полина таращит глаза.

— В смысле!? То есть, помолвки не будет!?

— Будет, но без Марата.

Подруга приоткрывает пухлый рот, но не произносит ни звука. Только длинными нарощенными ресницами хлопает.

— Приступим? — в спальне появляется команда визажистов и парикмахеров.

Мне хочется истерично рассмеяться в голос, но вместо этого послушно встаю и шагаю к туалетному столику. В зеркале замечаю, как шокированная Полина плюхается на ди-

ван.

Я похожа на безэмоциональную мумию. Просто послушно открываю и закрываю глаза, когда просит визажист, наклоняю голову, как просит парикмахер. Мне абсолютно все равно, какую прическу мне сделают и как меня накрасят.

— Жениху надо будет укладывать волосы? — спрашивает парикмахер, когда заканчивает со мной.

— Нет.

Полина уже где-то достала бутылку шампанского. Сидит на том же диване, взвалив ноги на маленький столик из красного дерева, и делает глотки из бокала.

— Прости, что начала раньше времени, — прослеживает за моим взором. — Просто такая шокирующая информация. Помолвка без жениха.

— Помоги мне надеть платье.

Подруга подсказывает и бежит к манекену. Я удаляюсь в ванную, чтобы надеть новый дизайнерский комплект нижнего белья. Моя кожа гладкая и шелковистая, как у младенца. Помня о желаниях своего жениха, я провела весь вчерашний день в спа салоне.

— Можно? — Полина коротко стучит в дверь.

Я уже надела белоснежные кружевные стринги, пояс и прозрачные чулки. Бюстгальтера не будет, платье на груди с подкладкой.

— Да.

Полина помогает мне надеть платье, а потом осматривает

с головы до ног.

— Ты очень красивая! Но как так...

— Он позвонил и сказал, что не успел закончить важные дела.

— И как же будет помолвка без жениха!?

Пожимаю плечами.

— Мы уже пять лет помолвлены. Сегодняшнее мероприятие — просто формальность.

— Но ведь Марат должен был попросить твоей руки и надеть кольцо на палец!

— Я и так могу носить это кольцо.

Я вижу, что Полина хочет сказать больше и в очередной раз облить помоями Марата, но сдерживается. Хотя сейчас я бы не стала защищать своего жениха. Я всегда была на стороне Марата, постоянно одергивала Полину, когда ее заносило и она позволяла себе выказывать пренебрежение в его адрес.

Но сегодняшний поступок Марата — это, как минимум, публичное унижение меня.

— А на свадьбу-то он хоть приедет? — тихо интересуется.

— Не знаю. Если не приедет, я не расстроюсь.

Гости уже собираются в вэлкам-зоне в саду. Их угощают закусками и напитками, ведущий шутит и создаёт праздничное настроение. На территорию дворца заезжает кортеж Керимовых и моего отца. Выходят родители Марата и две его младшие сестры.

Мой отец приехал со своей... так скажем, женщиной. После гибели моей матери у него их много было, я всех не запоминала. С кем-то он состоял в отношениях долго, они даже переезжали в наш дом, а с кем-то не очень. С этой он пару лет, кажется. Но постоянно она в нашем доме не живет.

Я прошу Полину спуститься в сад к гостям, а сама перемещаюсь в отдельную залу для родственников, куда сейчас поднимутся папа с Керимовыми.

— Даша, ты такая красивая! — первой в комнату входит мать Марата, Римма Айдаровна.

— Платье шикарное!

— Да, шикарное! — восторгаются его сестры, Алсу и Эльвира.

— Ох, Марат локти будет кусать, что пропустил, — добавляет Алсу, закатывая глаза.

Они все меня раздражают. Своей наигранной вежливостью, притворным дружелюбием.

— Милая моя, — Римма Айдаровна берет меня под руку и отводит немного в сторону. — Не расстраивайся, пожалуйста. Марат очень хотел приехать, но возникли важные дела.

— Важнее, чем наша с ним помолвка?

Римма Айдаровна вздыхает.

— Я прекрасно тебя понимаю, милая, — грустно улыбается. — Я сама много раз оказывалась в такой же ситуации. Мой муж не забирал меня из роддома ни с одним из детей. В день выписки звонил и говорил, что не может приехать. Со

всеми тремя детьми я уезжала из роддома на такси.

— То есть, у вас это семейное? — хмыкаю.

Будущая свекровь не может не замечать моего сарказма и издевательского тона. Но не делает замечаний, не одергивает.

— Марат — сын своего отца. Такова наша доля, — разводит руками.

— Наша — это чья?

— Жён Керимовых. Если уж ты согласилась выйти замуж за Марата, то должна понимать, что просто не будет. Но все равно оно того стоит. Не сомневайся, мой сын сделает тебя самой счастливой.

— Как-то не вяжется счастье с постоянным отсутствием мужа, в том числе на помолвке и выписке из роддома.

По глазам Риммы Айдаровны вижу, что ей не нравятся мои слова.

— Все будет хорошо, моя милая, — гладит меня по плечу и уходит к дочерям.

Заходят отцы. Папина женщина потерялась где-то по дороге. Ну и хорошо. Я всегда чувствую себя рядом с ней неловко.

— Ну-с! — Керимов-старший хлопает в ладоши. — Семья в сборе. Почти. Марат подкинул нам сложную задачку — провести помолвку без него, — и хохочет.

Действительно, весело.

— Ох, папа, Марат поступил ужасно! — дует губы Эльви-

ра. — Он должен был привезти мне платье из последней коллекции Александра Маккуина. У нас оно ещё не продаётся!

И правда, какая досада.

— Платье — это, конечно, очень важно! — шутит Булат Талгатович. — У тебя же совсем нет платьев.

— Папа, ты не понимаешь! — всерьёз начинает истерить. — Сейчас это платье есть только у Кейт Миддлтон, а так было бы еще и у меня! А пока Марат приедет, платье уже везде продавать начнут.

— Цыц! — шутливо приказывает замолчать дочери, а затем обращается ко всем остальным: — Предлагаю действовать следующим образом: сначала усадим гостей за столы в банкетном зале, дадим им выпить, а потом незаметно появился и мы. К тому моменту гости уже забудут, по какому поводу собрались. Важно, чтобы ведущий и организаторы мероприятия не упоминали слово «помолвка». Нужно максимально отвлечь гостей от повода, по которому они собрались.

Идеальный план. Пока Керимовы более подробно обсуждают его реализацию, я отвожу в сторону отца.

— Пап, в чем дело? — чувствую, как голос срывается.

Вздыхает.

— Мы теряем одного из ключевых покупателей в Аргентине. Марату пришлось вылететь в Латинскую Америку, чтобы уладить разногласия.

— Что?? — восклицаю. — Марат в Аргентине??

— Да, улетел десять дней назад. Чтобы ты понимала важность ситуации: он пропустил свою защиту диплома. Так что потом ему еще придется улаживать дела с университетом.

Обреченно взмахиваю руками.

— У нас заканчивается контракт с покупателями из Аргентины, — продолжает пояснять отец. — Две недели назад они заявили, что не будут его продлять. Марату и всей нашей юридической службе пришлось срочно лететь в Буэнос-Айрес, чтобы обсудить условия, на которых клиенты готовы остаться.

— Почему нельзя было сказать мне об этом раньше? Мы могли бы перенести помолвку на другой день!

— Марат до последнего надеялся, что уладит все разногласия к помолвке. Но не успел. Это не его вина, а клиентов. Они слишком долго думают. Вчера вечером Марат должен был вылететь в Россию, чтобы утром быть здесь, но пришлось пропустить самолёт.

— Почему на эти переговоры не мог отправиться кто-нибудь, кроме Марата? Ты, например? Или его отец?

— С самого начала этих клиентов вел Марат.

Ни одна из отговорок отца не кажется мне достаточно убедительной для того, чтобы жених пропустил помолвку.

— Успокойся, Дарья, — папа хоть и продолжает говорить доброжелательно, но я уже чувствую металл в голосе. — Твои обиды и истерики ни к чему. Держи себя в руках и сохраняй лицо. Поверь, никому из нас не нравится, что так

получилось. Но Аргентина — важнейший рынок сбыта для нас. Мы не можем потерять эту страну.

Не хочу больше ничего слушать. Должно быть, все, что говорил отец, невероятно важно, вот только почему-то меня не торкают эти отговорки.

Пришло время спускаться в банкетный зал. Когда мы заходим, несколько сотен гостей больше увлечены едой и алко-голем, чем нашим появлением. Организаторы уже перенесли стол жениха и невесты в самый неприметный угол и убрали отовсюду даже малейшее упоминание помолвки.

Почти все присутствующие мне не знакомы. Это какие-то чиновники и бизнесмены с семьями, приглашённые отцом и Керимовым. Мои друзья — одноклассники и однокурсники — занимают три больших круглых стола. Едят, смеются, веселятся.

Полина опустила голову на плечо Стаса, он ее обнимает и что-то шепчет на ухо, от чего подруга светится счастьем. Соседний со Стасом стул, предназначенный для Вити, пустует. Ухмыляюсь. Как наивно с моей стороны было полагать, что он придёт.

Накалываю на вилку помидор черри и отправляю в рот. Запиваю глотком шампанского. Ведущий старается максимально дистанцироваться от темы помолвки. А по сценарию слова «жених и невеста» планировалось произносить чуть ли не каждую минуту.

Время идет, гости уже наелись и напились, стали чаще

выходить из-за столов. Шутки ведущего сменяются музыкой диджея. Гости молодого возраста вываливают на танцпол. Полина и Стас танцуют в обнимку и, не стесняясь, целуются. Вот кто сегодня похож на жениха и невесту.

— Даша, — возле меня возникает папа. — Нам с Керимовым надо уехать.

Прекрасно.

— Езжайте, — безразлично отвечаю.

Отец делает небывалое: целует меня в макушку и приобнимает за плечи. Надо полагать, это мой утешительный приз.

Затем уезжают и остальные Керимовы. Напоследок не забывают наградить меня сочувствующими взглядами и какими-то тупыми приободряющими словами.

Чем дальше вечер, тем траурнее мое настроение. Хочется остаться одной и разрыдаться. А когда начинает играть медленная песня, под которую должен был быть наш с Маратом танец, я все-таки не выдерживаю и позволяю одной слезинке скатиться по щеке.

Не могу больше здесь оставаться и смотреть, как вместо меня и моего жениха танцуют другие. Пользуясь тем, что погас свет, выхожу в сад и бреду по дорожке вглубь деревьев. Здесь огромная территория, надеюсь затеряться и не встретить никого из гостей. Впрочем, я все равно не знаю их в лицо, а они меня.

Уйдя подальше от людей, опускаюсь на лавочку и, не сдерживаясь, всхлипываю.

— Помолвка не задалась? — раздается сбоку мужской голос, от которого мигом все нервы оголяются. — Или ты от счастья плачешь? И что-то я не понял: а где твой жених?

Витя стоит в расслабленной позе, засунув руки в карманы брюк, и всем своим видом показывает, как его забавляет ситуация.

Глава 16. Жизнь необычного человека

Я одновременно испытываю и радость, и разочарование от появления Вити.

Радость — потому что ужасно по нему скучала. А разочарование, потому что он будет надо мной насмехаться и стебаться.

Мой жених не приехал на нашу помолвку. Ха-ха-ха.

Вытираю мокрые щеки и гляжу прямо перед собой.

— Что тебя сюда привело? — интересуюсь прохладно.

— Ты же меня пригласила.

— А ты вроде как отказался приезжать.

— Вспомнил, что у меня где-то валяется костюм. Не надевал его со школьного выпускного. Вот решил выгулять.

— Ммм, — тяну. — Ну это, конечно, уважительная причина.

Замолкаем. Я смотрю прямо, а Витя смотрит на меня. Мне не по себе. Я хотела остаться одна без лишних глаз, чтобы не надо было ни с кем разговаривать. А вместо этого пришел человек, по которому я пролила не один литр слез за последние несколько недель.

— Рада была тебя повидать.

Поднимаюсь с лавочки и направляюсь по дорожке в сто-

рону Вити, чтобы обойти его и вернуться в банкетный зал. Но как только я равняюсь с Виктором, он тут же перехватывает меня рукой и вжимает в свое тело.

Замираю, не шевелюсь, чувствуя, как легкие наполняются его запахом. Наркотическим для меня. От этой зависимости потом будет не отделаться.

Витя не просто держит, он меня обнимает: одной рукой за талию, второй за плечи. Прижимает крепко к себе, проводит носом по волосам.

— Даша... — шепчет.

К горлу подступает ком. Я начинаю дрожать, изо всех сил стараясь сдержать слезы, но в итоге не выдерживаю. Всхлипываю прямо в его белую рубашку.

Слезы льются ручьём, я плачу и плачу, не имея сил успокоиться. Вся моя боль выходит наружу, все мои страдания. Витя продолжает крепко меня держать, ни на секунду не ослабляет объятие. Даёт мне выплакаться, выплеснуть все, что копилось внутри.

— Я испортила твою рубашку, — произношу севшим от слез голосом, когда наконец-то отрываю лицо от его груди. На белой ткани красуется огромное разноцветное пятно от попавшей косметики.

— Ничего страшного.

Витя нежно гладит меня по волосам, давая понять, что все в порядке. Успокаивающими движениями водит вверх-вниз.

— Он не приехал, — тихо произношу. Боюсь поднять на

Витю глаза, поэтому смотрю в сторону. — Не приехал на нашу помолвку.

Молчит. Я кожей чувствую, в каком Витя шоке.

— Значит, у тебя больше нет жениха? — спрашивает с надеждой.

Горько ухмыляюсь и качаю головой.

— Есть.

— Но если он не приехал на помолвку.

— Мы уже пять лет помолвлены. Он сын папиного партнера по бизнесу. Я должна выйти за него замуж.

— Должна? — уточняет одно конкретное слово.

— Да. Должна.

— Почему?

— Потому что так решил мой папа.

— Даша, ты себя слышишь?

Обычные люди никогда меня не поймут. Полина тоже не понимает, почему я не могу послать отца на три буквы. У обычных людей все просто: они делают, что хотят, и искренне не понимают тех, кто не может делать, что хочет.

А я никогда не жила жизнью обычного человека. И дело здесь не в чувстве вины или в благодарности за то, что приёмный отец не отправил меня в детский дом после гибели матери и ее любовника. А просто потому, что я знаю своего отца. Я знаю, на что способен этот человек с теми, кто ему перечит.

Я не могу, как советует Полина, уйти из дома и устроиться

на работу, чтобы перестать зависеть от папы. Он меня везде найдёт. Отцу надо, чтобы я вышла замуж за Керимова, и точка.

Правовое государство и демократия? Это не про страну, где все решают связи. А у моего отца их достаточно и в правоохранительных органах, и в прокуратуре. Так что качать права и размахивать паспортом, где написано, что мне больше 18 лет, не выйдет.

— Да, я себя слышу. Я должна выйти замуж за жениха, которого мне выбрал папа. Можешь смеяться, можешь недоумевать, можешь считать меня странной.

— А что будет, если ты скажешь в загсе «Нет»?

— Не хочу проверять.

Когда погибла мама, прислуга еще кое-что болтала помимо того, что Григорий Вершинин отдаст меня в приют. Горничные шушукались, а не была ли подстроена авария. Экспертиза выявила неисправность в автомобиле. Мол, не странно ли, что автомобиль олигарха неисправен?

Возможно, это просто сплетни прислуги. Но я не хочу проверять их на себе.

Соппротивление уместно тогда, когда в нем есть смысл. В противном случае, сопротивляться — это значит только навредить себе. Куда полезнее найти в сложившейся ситуации плюсы, что я и сделала. Я нормально живу, ни в чем не нуждаюсь и не испытываю на себе какие-то особенные тяготы. После свадьбы с Маратом будет то же самое. Не самая пло-

хая жизнь, я считаю.

— Я не буду смеяться, недоумевать и считать тебя странной.

— Спасибо.

Витя опускает ладонь мне на щеку и поднимает лицо на себя. Ох зря это. У меня и так дрожь по телу от объятий с Витей, а тут еще и в его глазах тонуть.

Снова появляется ужасное желание: чтобы Витя меня поцеловал. Хочу почувствовать его губы на своих. Это неправильное, неуместное, постыдное желание пожирает меня с головой.

Витя хочет того же самого?

Да, хочет. Я чувствую это. По тому, как смотрит, по тому, как держит в своих руках. Нас тянет друг к другу, как магнитом.

Магию между нами прерывают приближающиеся громкие голоса. Резко делаю шаг назад, выбираясь из рук Вити. Мимо нас проходит пьяная компания. Понятия не имею, кто это. Они тоже не узнают во мне невесту. Ну и отлично.

— Я бы хотела пойти в номер, привести себя в порядок, — говорю Вите, когда люди отходят на достаточное расстояние, чтобы не слышать нас. — Сходишь со мной?

Кивает.

Устремляюсь к замку. Витя шагает следом за мной. Хорошо, что гостям вход туда воспрещён. Замок был предназначен только для меня и Марата. Мы должны были провести

в нем несколько дней.

— Я быстро, — говорю Вите, когда мы заходим в нашу с Маратом спальню.

Скрываюсь в ванной. То, что сейчас изображено на моем лице, больше подходит для грима на Хэллоуин. Тени, тушь, румяна, помада — все размазано. Даже платье на груди испачкалось.

Тщательно смываю с себя косметику и снимаю наряд. Вместо него надеваю сарафан, в котором и приехала в замок. Вити нет в спальне, он вышел на балкон. Останавливаюсь посреди комнаты, чтобы полюбоваться его сильной спиной.

«Я совершаю ошибку, находясь к нему так близко», про-
скальзывает в голове.

Но я не могу совладать с собой. Ноги сами ведут меня на балкон к этому парню. Становлюсь рядом, облокотившись на перила, и смотрю на горящий разноцветными огнями сад. Затем поднимаю голову к небу. Уже стемнело, а нет ни звездочки.

— За что я не люблю Москву, так это за то, что здесь нет звезд на небе, — прерываю молчание первой.

— Ты просто не знаешь мест.

— В Москве есть места, где видны звезды?

— В Подмоскovie есть.

— Где? — удивляюсь.

— Где-то километров пятьдесят отсюда.

Видимо, Витя читает что-то в моем изумленном взгляде,

потому что говорит:

— Если хочешь, можем съездить.

— Когда? — цепляюсь за предложение.

— Сейчас.

Это неожиданное предложение выбивает у меня почву из-под ног.

— Сейчас?

— Да, как раз нет туч на небе. Будет хорошо видно.

— Но сейчас у меня помолвка... — мямлю и замолкаю.

Витя тяжело вздыхает.

— Даша, твой жених вообще на эту помолвку не явился.

Мне нечего ответить на столь резонное замечание. По правде говоря, я не знаю, должна ли оставаться в банкетном зале до самого конца. Папа со своей женщиной уехал, Керимовы тоже. Моим друзьям весело и без меня. А остальных людей я не знаю.

— Давай сейчас, — решительно соглашаюсь.

Глава 17. К звездам

Это безумие. Я сбегая с собственной помолвки с мало-знакомым парнем, которого видела всего несколько раз.

Захожу в банкетный зал и выискиваю Полину. Они со Стасом медленно крутятся на танцполе и целуются. В обычном сарафане и в полумраке помещения мало кто узнает во мне невесту, поэтому пересекаю зал и подхожу к подруге. Трясу ее за плечо.

Нехотя Поля отрывается от Стаса и переводит на меня пьяный взгляд. Но пьяный отнюдь не из-за выпитого алкоголя, а от состояния, в котором она находится рядом с этим парнем.

— Полин, я ухожу. Вот ключ от замка и от номера, можете провести здесь со Стасом выходные. Я предупредила персонал, что вместо меня и Марата будет другая пара, — протягиваю ей в ладонь карточку.

Подруга хоть и удивлена, но ключ берет.

— А куда ты уезжаешь? Мы со Стасом тоже собирались уходить.

— Не уходите, оставайтесь здесь на все выходные. В замке есть спа, бассейн, тренажерный зал, сауна, хаммам, можно заказать прогулку на лошадях, — перечисляю все прелести, которыми должны были воспользоваться я и мой жених.

Полина хоть и была в курсе моей программы на ближай-

шие дни, а все равно в шоке от ее насыщенности. Ну или от того, что это все теперь достанется ей и ее новому парню.

— Эм... — сомневается. — А нам точно можно? А вдруг твой папа будет против?

— Помолвку оплачивал Марат. А ему все равно.

— Но ты его предупредила?

— Да, — вру, чтобы Полина поскорее согласилась.

— А куда ты уезжаешь? Почему сама не хочешь провести тут выходные?

— Я уезжаю с Витей.

Произношу это и прикусываю язык, понимая, как двусмысленно звучит. Глаза Полины загораются таким знакомым мне за годы нашей дружбы любопытством.

— С Витей? Куда?

— К звездам! Все, Поль, мне пора, — целую ее в щеку. — А вам со Стасом приятно провести выходные.

Не дожидаясь новых вопросов, выбегаю из зала и стремительно направляюсь к Виктору, который ждет меня у ворот на улицу.

— Все ок? — спрашивает, когда приближаюсь.

— Да, я попрощалась с Полиной.

Мы выходим за пределы территории замка, Витя берет меня за руку и переплетает наши пальцы. Не боясь, что кто-то увидит меня уходящей с собственной помолвки с другим парнем, уверенно направляюсь к машине. Витя открывает передо мной переднюю дверь Мустанга, и я залезаю в салон.

Рассматриваю его. Мне здесь нравится. Всего второй раз сижу в этой машине, а такое чувство, что она мне, как родная.

— Уверена? — спрашивает Витя, заводя мотор.

— А ты нет?

— Я никогда не сомневаюсь в том, что делаю.

— Сейчас я тоже не сомневаюсь.

Больше не спрашивая, Витя трогается с места.

Это чувство свободы. Которой у меня никогда не было. Совершить что-то безрассудное, что-то неправильное, но такое классное.

Почти ложусь на переднем сиденье, опускаю наполовину окно и вытягиваю руку. Теплый летний ветер приятно ласкает пальцы. Он попадает в салон, треплет мои волосы. Поворачиваю голову к Вите. Он делает вид, что сосредоточен на дороге, но выражение его лица выдает, какой он довольный.

Непроизвольно люблюсь этим парнем. Рядом с Витей с моим телом происходит что-то странное. Жар волнами гуляет от головы до ног, а потом концентрируется внизу живота. Между ног становится влажно и начинает ныть, хочется сжать бедра.

Хоть я и девственница, но прекрасно понимаю, что эти чувства — не что иное, как сексуальное возбуждение. Я хочу этого парня. И не только как друга.

Витя чувствует мой взгляд, поворачивает голову. В темноте салона его глаза блестят. Несколько секунд мы не прерываем зрительный контакт, гипнотизируем друг друга. Витя

отрывается от моего лица, скользит ниже. У сарафана приличный вырез. А еще он задрался на ногах, как тогда платье во время нашего первого свидания.

Я умираю, как хочу, чтобы Витя дотронулся до меня. И он делает это. Опускает горячую ладонь мне на колено, ведет ее немного вверх по ноге. Гладит, ласкает. Его прикосновения провоцируют во мне маленькие взрывы. Я хочу, чтобы Виктор пошел дальше, к самой чувствительной пульсирующей точке. Хочу почувствовать взрыв там.

Но мы наезжаем на яму, и Витя резко поворачивается обратно к лобовому, а руку возвращает на коробку передач. С губ срывается стон разочарования. Не знаю, слышит ли его Виктор. Даже если и слышит, я не стесняюсь. Ведь сегодня ночь смелых поступков? Я хочу быть смелой. Хотя бы сегодня.

— Думаю, мы приехали, — говорит минут через десять. Поднимаю глаза к небу: оно усыпано звездами.

— Вау, — выдыхаю.

Витя останавливается и глушит мотор. Мы в каком-то поле, не знаю, где именно, Виктор ехал без навигатора. Вылезаю из машины и задираю голову. Звезд действительно много. Они большие и яркие.

Сзади раздаются звуки. Оглядываюсь. Витя захлопнул багажник.

— Ложись на капот, — расстилает на нем плед.

— Ты возишь плед в машине? — смеюсь.

— Так случайно получилось. Но, видишь, пригодился.

Я не знаю, как аккуратно забраться на капот автомобиля. Тогда Витя подхватывает меня за талию и сам сажает. Но не убирает руки сразу, замирает. Кожу жжет там, где он продолжает держать ладони. Снова зрительный контакт. Снова сумасшедшее желание. Снова пульсация между ног.

Но Витя прерывает эту магию. Отпускает меня и запрыгивает на капот рядом. Аккуратно ложусь на спину. Хочу глядеть на небо, но взгляд то и дело перемещается со звезд на Виктора. Рассматриваю его затылок, сильную шею, слегка сутуленные плечи. Хочу прижаться к его спине сзади. Или чтобы Витя лег рядом. Хочу почувствовать его ближе.

Будто ощущая на себе мой взгляд, он оборачивается.

— Как ты нашел это место? — спрашиваю.

— Однажды у меня была гонка недалеко отсюда. Мы праздновали допоздна. Стемнело, и я обратил внимание, что в этой местности много звезд.

— Я хочу побывать на твоей гонке.

— Без проблем. Через два дня ближайшая.

— Я буду, — уверенно заявляю. — Буду за тебя болеть.

Мне все равно нечем заняться. Учеба закончилась, Марат не приехал. Сразу после помолвки предполагалось начало подготовительных мероприятий к свадьбе, но еще надо уточнить, в силе ли она. А то у меня уже нет уверенности, что Марату это нужно.

Витя наконец-то ложится рядом на капот. Слегка касает-

ся своими пальцами моих, играет с ними. Нервные окончания мигом оголяются, словно провода. Эти невесомые прикосновения снова провоцируют разлив сладкой патоки между ног. Тело простреливает, соски напрягаются.

Боже, так всегда будет рядом с Витей? Это же ненормально!

Или нормально?

Виктор не предпринимает попыток сократить между нашими телами расстояние. А я уже вся горю от вожделения! Дыхание стало тяжелым, прерывистым. Он слышит, как надрывно я дышу?

Не знаю, сколько проходит времени. В какой-то момент Витя перестает играть с моими пальцами, а просто накрывает ладонь своею.

— Красиво, — шепчу. — Очень. Часто бываешь в этом месте?

— Вообще не бываю.

— Почему? — удивляюсь.

— Не с кем сюда ездить.

— Хочешь сказать, что не возишь сюда девушек, чтобы соблазнить? — шутливо интересуюсь.

Витя поворачивает ко мне голову и выгибает бровь.

— Хочешь сказать, что я привез тебя сюда, чтобы соблазнить?

Неопределенно веду плечами. На самом деле я так не думаю, но мне хочется подразнить Витю.

Он смеется.

— Вообще не думал о соблазнении тебя, когда предложил сюда поехать.

— А о чем ты думал?

— О том, чтобы ты развеялась и отвлеклась от грустных мыслей.

Он даже не пытался как-то специально меня соблазнить, а я все равно соблазнилась, судя по пожару, что бушует внутри. В горле пересыхает, хочется пить.

— У тебя есть вода?

— Да, на заднем сиденье бутылка.

— Как пробраться на заднее сиденье, если машина двухдверная?

Витя спрыгивает с капота, я следом. Открывает переднюю пассажирскую дверь, отодвигает вперед кресло.

— Пролезай.

Забираюсь назад.

— А тут прикольно. Мне кажется, я никогда раньше не ездила в двухдверных автомобилях. Давай тут посидим? Тоже небо видно.

Витя снимает с себя пиджак и бросает его на водительское кресло. Садится рядом со мной, захлопывает дверь, и... мы будто сразу остались отрезаны от внешнего мира.

— Держи, — протягивает бутылку.

Делаю несколько жадных глотков, но они не помогают остыть. Ошибкой было предлагать Вите посидеть в машине.

Салон наполнен его запахом, он действует на меня, как афродизиак. Откидываюсь на кресло, чувствуя на себе непрерывный мужской взгляд. Мы слишком близко друг к другу в столь тесном пространстве.

Воздух накаляется за считанные секунды, начинает искрить. Витя снова кладет ладонь мне на колено, ведет руку вверх, забирается под сарафан.

— У тебя такая гладкая кожа, — хрипит.

Глаза в глаза — и в следующее мгновение одновременно подаемся друг к другу. Наши губы встречаются. Делаю жадный глоток кислорода перед тем, как утонуть в поцелуе. Крепком, сладком.

Какой же он сладкий!

Обеими руками обвиваю Витю за шею, прижимаюсь. Он не целует меня, а пьет до дна. И я его пью. До последнего глотка, до последней капли.

Сама не замечаю, как оказываюсь на нем сверху. На мгновение прерываем пьянящий поцелуй, соприкасаемся лбами, шумно дышим. Ловлю губами его дыхание. Подаюсь вперед на несколько миллиметров и снова касаюсь мужских губ. Усиливаем поцелуй, переплетаем языки. Каждая клетка моего тела взрывается, словно фейерверк. Это чистое ни с чем несравнимое удовольствие.

Разве поцелуй может доставлять столько удовольствия?

Обе руки Виктора пробираются под сарафан, идут вверх. Я вжимаюсь бедрами ему между ног, чувствую сквозь брюки

вставший твердый член. Это заводит меня еще больше. Бесстыже трусь о него промежностью. Витя сжимает мои ягодичцы, вдавливая в свой член.

Одежда мешает. На ощупь принимаюсь расстегивать пуговицы на рубашке, Витя перемещает ладони с ягодич на мою грудь. Трогает ее через ткань, отчего соски твердеют еще сильнее, а потом спускает лямки сарафана. Под ним нет лифчика.

Прерываем поцелуй, чтобы сумасшедшими от желания глазами полюбоваться друг другом. Я вожу кончиками пальцев по крепкому торсу и прессу. Витя гладит мою грудь, трет соски.

«Что я творю?», проносится в голове мысль, но я отгоняю ее подальше.

«Я впервые в жизни творю то, что мне хочется, и с тем, с кем мне хочется».

— Какая ты красивая, — произносит севшим голосом, гуляя руками по моему телу.

Сарафан упал, я обнажена до пояса. Ни на йоту не стесняюсь, не сжимаюсь, не краснею. Наоборот, распаляюсь еще сильнее под восхищенным взглядом Виктора. Кожа горит. Я горю. Мне нравится, как этот парень на меня смотрит, как любит. Хочу нравиться ему, хочу возбуждать его, хочу, чтобы его член стоял на меня.

Никогда еще в моей голове не было таких грязных пошлых мыслей. Никогда еще я не сидела верхом на мужчине

голая по пояс и не терлась о его член.

Витя подается вперед, целует сосок, проводит по нему языком. Стону. Ощущения — запредельные. Я будто парю над небом. Хочу, чтобы Виктор ласкал меня, целовал, доводил до исступления. Он играет с моей грудью, я ускоряю движения бедрами. Витя чувствует через брюки, какая я мокрая?

— Вить, — тихо зову.

Он поднимает на меня лицо. Глажу его ладонями, целую в губы и шепчу:

— Я хочу, чтобы ты стал моим первым мужчиной.

Глава 18. Лучшее в жизни

Кажется, Витя не очень понимает, о чем я говорю. Смотрит на меня и молчит. Слегка прищуривается.

— В смысле первым? — наконец-то подает голос.

— В прямом. Я девственница.

Лицо Виктора вытягивается в таком изумлении, как будто я сказала что-то страшное и ужасное. Например, призналась, что пью кровь младенцев, не меньше.

— То есть, как ты девственница?

Магия и волшебство, что окутывали нас с того момента, как мы сели на заднее сиденье автомобиля, вмиг улетучиваются. Я чувствую себя глупо и нелепо, сидя полуголой верхом на парне и признаваясь в своей невинности.

— Вот так. Я девственница. Почему ты так удивляешься? Никогда не встречал девственниц?

Мой тон немного резковат. Хочу слезть с Вити и вернуть на место сарафан. Предпринимаю попытку это сделать, но Виктор останавливает меня, крепко схватив за талию.

— У тебя ж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.